

Людмила
МАРТОВА

Никогда
не отчаивайся!
Выход обязательно
найдется.

ДЕТЕКТИВНЫЙ РОМАН

КОГДА ИСЧЕЗНЕТ ЭХО

Желание женщины

Людмила Мартова

Когда исчезнет эхо

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мартова Л.

Когда исчезнет эхо / Л. Мартова — «Эксмо», 2019 — (Желание женщины)

ISBN 978-5-04-099511-0

Убийство не имеет срока давности. Спустя тридцать лет преступление, потрясшее деревню Сазоново, вновь настигло его соучастников. Их преследуют призраки, пугают старые подвалы и хлам на заброшенных чердаках, не дают покоя потерянные сокровища. Из прошлого являются люди, считавшиеся умершими, счастливые, невредимые и ныне живущие в Италии. И в центре всех этих событий оказывается ни в чем не повинная Юлия Асмолова, художница, поссорившаяся с любимым мужем Олегом. Она подозрительно дешево купила зловещий дом на краю деревни и обнаружила дневник утопившейся девушки, в котором скрыта какая-то тайна...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-099511-0

© Мартова Л., 2019
© Эксмо, 2019

Людмила Мартова

Когда исчезнет эхо

Только действительность никогда не лжёт.
Джек Лондон

Юлька проснулась и сразу же зажмурилась от резанувшего ее неожиданно яркого света. Со второй попытки глаза все-таки удалось открыть, но только для того, чтобы им не поверить. Часы, старинные, облаченные в тяжелое обрамление из хрусталя, стоявшие на стареньком, но исправно работающем телевизоре (Юлька вчера проверила), показывали пять пятнадцать. Утра, разумеется. В такую рань с детства слышавшая совой Юлька не вставала никогда. А сегодня – на тебе, проснулась.

Бывшее в окно нахальное июньское солнце честно признавалось, что причина столь раннего пробуждения кроется именно в нем. Оно и разбудило, чего стесняться? Попытавшись снова зажмуриться, чтобы погрузиться в блаженную темноту и еще немного поспать, и не достигнув успеха, Юлька распахнула глаза, ни в одном из которых не было сна, вздохнула и откинула одеяло.

Оно тоже было тяжелым, пуховым. Спать под ним даже в летнюю жару было не жарко и отчего-то уютно. Одеяло словно отрезало от окружающего мира со всеми его бедами. Вспомнив про беды, Юлька по-старушечьи вздохнула еще раз. Именно от них она и сбежала в деревню, чтобы укрыться от посторонних глаз. Глаза были сочувствующими, недоумевающими, злорадствующими, ехидными или тоскливыми. Но от них от всех Юльке одинаково хотелось забиться в дальний угол, завывать, как брошенной на произвол судьбы побитой собаке, в одночасье потерявшей хозяина, сложить лапы и тихо издохнуть.

Позволить себе издохнуть она не могла из-за родителей, а вот все остальные пункты обязательной программы вполне себе просматривались. Для их воплощения в жизнь нужно было только найти, куда спрятаться. Юлька и нашла, прочитав газету бесплатных объявлений. Вообще-то она планировала снять на лето дачу, куда можно было бы сбежать, как Чацкому, «в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов», чтобы в одиночку зализывать раны. Но увидела, что продается деревенский дом, пусть и не в Саратове, но все-таки в глуши, и приняла неожиданное для себя самой решение его купить.

Деревенских корней у их семьи отродясь не водилось, поэтому решение казалось идиотским, как прямо и сказала мама, но в Юлькиной жизни уже было столько идиотизма, что один дополнительный ничего не решал, и дом она купила. Крепкий, с подполом и огромным чердаком, заваленным какой-то рухлядью, да еще и участок в семнадцать соток, к которому прилагалась основательная, хотя и несовременная баня, обошелся всего в двести восемьдесят тысяч рублей.

По нынешним временам это было почти что даром, поскольку земля в деревне Сазоново, где располагался дом, стоила от сорока до пятидесяти тысяч за сотку. Именно по такой цене продавались голые участки, нарезанные на окраине деревни, где всюду строился новый коттеджный поселок.

Юлькин дом, конечно, стоял в «старой» части Сазонова и не на первой линии от реки. Но до засыпанного белым песком пляжа нужно было пройти метров пятьсот, а до ближайшего, «дикого», но тихого и неглубокого спуска к Волге напрямки по тропинке, выющейся между соседскими участками, было и вовсе метров сто пятьдесят. До райцентра с его магазинами, рынками и прочей «цивилизацией» Юлька доезжала минут за семь, асфальт простирался до самого порога, поэтому дом стоил подозрительно дешево, и, оформляя документы, новая хозяйка все ждала какого-то подвоха.

Ей казалось, что она не все поняла и в последний момент выяснится, что она должна владельцу еще тысяч семьсот, если не миллион. Таких денег у нее не водилось, она и двести восемьдесят тысяч одолжила у подруги Веры, которая дала их со словами «вернешь, когда сможешь». Когда она «сможет», Юлька не знала, но обещала расплатиться за год максимум. Так что ни о какой доплате за дом речь идти не могла. Но доплата и не потребовалась.

Продающий дом владелец, сухонький жилистый старичок семидесяти шести лет, нервничал не меньше Юльки и все твердил, что сделку ему нужно оформить быстро, деньги получить сразу и наличными, потому что он должен уехать. Как поняла Юлька, к детям. Хотя она не уточняла. Старичок и его семья были ей неинтересны.

Старичок дрожал, вот как сильно волновался. Ручка прыгала в его трясущихся пальцах, и деньги он схватил, даже не пересчитав. Было это так странно, что Юлька напряглась, но работающая юристом Вера проверила все документы, и по всему выходило, что подвоха никакого нет и старый дом вместе с семнадцатью сотками, раскидистыми яблонями в саду и почерневшей от времени баней теперь действительно принадлежат Юльке, то есть Юлии Валерьевне Асмоловой, тридцати двух лет от роду, вчера еще степенной замужней даме, а сегодня брошенке и почти разведенке.

Сделка была оформлена два дня назад, и Юлька сразу же спросила владельца, теперь уже бывшего, когда она может заехать. Он хмуро посмотрел на нее, взгляд из-под кустистых бровей а-ля Брежнев неожиданно резко полоснул по лицу, пробурчал, что уедет сегодня же вечерним поездом, поэтому новая хозяйка въезжать может хоть завтра, пробормотал что-то еще, неразборчивое, из чего Юлькино ухо выхватило только слово «привидение».

Привидений Юлька не боялась. После всего, что случилось с ней за последний месяц, она точно знала, что бояться нужно живых, реальных людей из плоти и крови, близких и родных, внезапно ставших чужими и страшными, почище любого вампира. Мелькнула было мысль, что дед дом продает так быстро и дешево оттого, что в нем поселилось привидение, но тут же ускользнула, потому что была глупой и неконструктивной.

Сделку оформляли в райцентре. Оттуда Юлька вернулась домой, в свою аккуратную квартиру в самом престижном районе их регионального центра. Квартиру они с мужем купили в ипотеку всего два года назад и страшно ею гордились. Здесь все было до последней мелочи продумано и выстроено так, чтобы было удобно жить, проводить совместные тихие вечера, делиться рабочими проблемами, строить планы на выходные и на отпуск, надеяться на то, что когда-нибудь появятся дети.

Сейчас стены давили так сильно, что грозили погрести под собой не только рухнувшие надежды, но и саму Юльку. Перспектива провести тут хотя бы одну лишнюю ночь страшила гораздо сильнее, чем неведомая пока жизнь в чужом деревенском доме. Весь вечер Юлька собирала вещи, чтобы продержаться в своем новом владении месяца три без необходимости возвращаться. Утром всласть выпалась, загрузила нехитрые пожитки в машину, решительно перекрыла газ и воду и заперла дверь, оставив за ней свою прошлую жизнь.

Плакать хотелось очень сильно, но Юлька не стала. Зачем, если слезами делу не поможешь? Старая телефонная симка, верой и правдой прослужившая ей полтора десятка лет, тоже осталась за запертой дверью. Новый номер знали только родители и Вера, никого другого брать в свою деревенскую жизнь Юлька не собиралась. С работодателем она общалась в Интернете и не переставала благодарить Бога за то, что работодатель у нее именно такой, современный, мудрый, все понимающий и вообще самый лучший на свете.

Работала Юлька художницей. Придумывала и рисовала персонажей для компьютерных игр, и фирма, в которой она трудилась, была не только самой крупной и известной в стране, но и входила в тройку мировых лидеров, даром что располагалась в областном центре далеко за пределами Садового кольца. Сотрудникам здесь на выбор полагали либо удобный, комфортный, ультрасовременный офис, в который Юлька с удовольствием ходила в прошлой жизни, либо

работу на «удаленке», на которую она сейчас и перешла, смутно надеясь, что за три месяца в сельской глуши сможет сэкономить существенную часть зарплаты, чтобы начать отдавать долг Вере.

Вещей она взяла с собой самый минимум. Двое шортов, три сарафана, трое джинсов, четыре футболки, один свитер и одну толстовку, непромокаемую куртку, кроссовки, балетки, сланцы и резиновые сапоги. До середины сентября должно было хватить.

На свой участок она добралась только к пяти вечера, поскольку еще заезжала на рынок в райцентре, где запаслась десятью пятилитровками питьевой воды, тушенкой, подсолнечным маслом, сахаром, мукой, сухими дрожжами, чаем и кофе – молотым для себя и растворимым на тот случай, если на огонек заглянут соседи. Соседи ей, конечно, были не нужны, но о деревенском гостеприимстве, а точнее, назойливости, она была наслышана, а потому считала необходимым подготовиться. Не ссориться же с соседями, с которыми предстоит прожить бок о бок три месяца!

В доме точно был холодильник, поэтому Юлька еще купила несколько килограммов мяса и большого судака. Конечно, до рынка можно было доехать в любой момент, но решившая сэкономить Юлька вовремя вспомнила о кусающихся нынче ценах на бензин, а потому к вопросу обеспечения себя продовольствием отнеслась серьезно, затарившись еще помидорами и огурцами и решив, что картошку, морковку, капусту и молочные продукты она наверняка приобретет у кого-нибудь из местных.

Загнав машинку на участок, огороженный хлипким деревянным штакетником, она долго разгружалась, носила вещи в дом, пристраивала их на новое место жительства, застилала высокую железную кровать с металлическими шишечками чистым бельем, тоже захваченным из дома. Извлекала на белый свет свои любимые чашки, ложки и тарелки, потому что из чужих пить-есть брезговала.

В доме было довольно стыло и чуть пахло сыростью. Затопить печь Юлька побоялась, чтобы с непривычки не угореть. Этому нехитрому искусству еще предстояло научиться, а пока она воткнула в розетку предусмотрительно захваченный из дома электрический обогреватель, с удовлетворением оглядела оставшееся ей в наследство от старых хозяев пуховое одеяло, натянула спортивный костюм и шерстяные носки, деловито проверила, работает ли телевизор, вскипятила на газовой плите старый чайник со свистком – привет из давно забытого прошлого, сделала бутерброды с паштетом и уселась на крылечке пить чай и обдумывать свое новое житье-бытье.

– Ты кто ж такая будешь? – Из-за штакетника, отделяющего Юлькин участок от соседского, торчала завитая мелким бесом пергидрольная голова неустановленного возраста. По виду ей могло быть от сорока до семидесяти. – Или у Кириллыча родственница какая объявилась?

Алексеем Кирилловичем звали старичка, продавшего Юльке дом. И родственники у него какие-то наверняка были, уехал же он к кому-то доживать свой старческий век, вот только к Юльке это никакого отношения не имело.

– Нет, я Алексею Кирилловичу не родственница! – крикнула Юлька, потому что вставать и подходить поближе было лень. Да и разговаривать с теткой не хотелось. – Я у него дом купила. Вчера, – уточнила она. – Вот теперь буду тут жить.

– До-о-ом... Купила-а-а-а, – протянула тетка, видимо, осмысливая полученную информацию. – А чего это Кириллыч дом-то продавать надумал? И не говорил ничего... Дорого продал-то?

– По деньгам, – отрезала Юлька, в планы которой не входило обсуждать ту подозрительно низкую сумму, в которую ей обошлось новое владение. – Как бы то ни было, я теперь ваша соседка. Меня Юлия зовут.

– Ишь ты, Юлия, – пробормотала пергидрольная голова. – А ты тут с кем жить-то собираешься? Муж-то у тебя имеется?

При слове «муж» в голове словно взорвалась небольшая петарда, и сразу стало горячегорячо. Так горячо, что Юлька даже застонала тихонько.

– Муж в длительной командировке, – ответила она, проталкивая лживые слова сквозь стиснутые зубы. – А я решила провести лето на природе. Можно?

– Так отчего же нельзя? – милостиво согласилась голова. – Вот только одной в деревне-то не сахар. Мужские руки в хозяйстве ой как нужны! Ну ты того, обращайся, если что надо. Меня, кстати, Ирина Сергеевна зовут. А мужика моего – Игорь Петрович. Ты только это, – она понизила голос, – если чего у мужика моего попросишь, водкой не расплачивайся, только деньгами. Поняла?

– Что? – оторопело спросила Юлька. – Какой водкой? У меня никакой водки и нету.

– У тебя нету, в магазине есть, – она так и сказала, магазин с ударением на второй слог. – В общем, смотри, я тебя предупредила.

Только сейчас до Юльки дошло, что то, что она приняла за предложение соседской помощи, на самом деле было рекламой услуг. Никто не собирался помогать ей «по хозяйству» бесплатно. Юлке на мгновение стало смешно от своей наивности, но веселье тут же сменилось легкой тревогой: а хватит ли ей при таком раскладе денег, которые она так предусмотрительно собиралась откладывать, чтобы рассчитаться с долгом? Шут знает, какой тут у них преискурант.

Внезапно Юлька почувствовала, что очень устала.

– До завтра, – вежливо сказала она Ирине Сергеевне и поднялась со ступенек.

Та немного озадаченно смотрела ей вслед.

В доме Юлька включила свой макбук, которым страшно гордилась. Яблочко на крышке засветилось драгоценным опалом, будто улыбаясь хозяйке. Быстро пробежав пальцами по клавиатуре, Юлька загрузила нужные программы и провалилась в выдуманный мир сказочных персонажей, словно нырнув с головой на дно глубокого и очень чистого пруда.

Во время работы она чувствовала себя немного Ихтиандром. Словно открывались жабры, позволяющие жить и дышать под толщей воды, надежно отделяющей от окружающего мира. «Вихри враждебные веют над нами, темные силы нас злобно гнетут», – пропела Юлька, осознавая, что здесь, внутри еще не созданной, но уже придуманной игры, никакие темные силы не властны над ней и ее настроением. Если бы было можно, она работала бы двадцать четыре часа в сутки, чтобы не думать и не чувствовать.

Сейчас она рисовала различные ипостаси успешного и очень разумного дворецкого, который приехал в отпуск в дом своих родителей и теперь пытается навести здесь порядок. Сам дворецкий уже был продуман до мелочей, но оставались родители, кот, почтальон, соседи, а также сам дом, многочисленные комнаты которого хранили немало тайн и должны были подбрасывать игрокам сюрпризы. Один за другим. Впрочем, за сюрпризы отвечала не Юлька, в ее задачу входили только образы, но и этого ей хватало с лихвой.

Бодро щелкала мышка, ей мягко вторили клавиши, картинка на мониторе наполнялась красками, и Юлька, сама того не замечая, все напевала себе под нос. Опомнилась она, когда часы – старомодные, очень тяжелые, хрустальные – показывали уже полночь. Юлька выключила макбук, захлопнула крышку и сладко зевнула. Вот и еще один день прошел, вот и славно.

Она подошла к телевизору, щелкнула выключателем, еще раз убедилась, что есть и картинка, и звук, и телевизор выключила, потому что вообще-то никогда его не смотрела. Взяла в руки часы, которые манили своей необычностью. Никогда прежде Юлька не видела ничего подобного. Чудо было, а не часы, и она немножко подивилась тому, что прежний владелец ничего не забрал из своего старого дома, кроме личных вещей. Она абсолютно не разбиралась в антиквариате, но часы, похоже, стоили целое состояние.

– Старик был не в себе, – задумчиво пробормотала Юлька себе под нос и сняла с кровати красивое лоскутное покрывало. – Ну почему я чувствую себя так, будто, купив этот дом, обманула ребенка? Пожалуй, если этот самый Алексей Кириллович вернется, чтобы забрать что-то из вещей, я отдам все, что он захочет. Иначе получается нечестно.

Приняв такое решение, она щелкнула выключателем на стене, забралась под одеяло и через пять минут уже крепко спала. И вот теперь проснулась ни свет ни заря.

Утренние хлопоты заняли непривычно много времени. Туалет, отгороженный в нежилой, «скотной» части дома, был с претензией на удобства, то есть с «сидушкой», которую Юлька с утра пораньше отдраила сначала раствором найденной в сарайчике «Белизны», а потом содой из кухонного шкафчика. Рукомойник в кухне оказался пустым, недолго думая Юлька налила туда бутилированной воды, чтобы умыться и почистить зубы. Отчаянно хотелось в душ, но душа не было. А значит, Юлька поставила себе первую задачу на день: все-таки научиться обходиться с дровами, чтобы натопить баню.

Чайник со свистком закипел на газу бодро, как ему и положено. На соседней конфорке Юлька поставила греться большую кастрюлю. Обходиться без горячей воды ей казалось кошунством. Со вчерашнего вечера уже две пятилитровые бутылки опустели, и Юлька немного скисла, понимая, что к бытовым хлопотам все-таки оказалась не готова. Колодца на ее участке не было, и как раздобыть воду, кроме как съездить за ней в райцентр, она не понимала. А может быть, мама права и она совершенно зря вписалась в эту авантюру с деревенской жизнью?

В глазах немедленно защипало, но пролиться слезам Юлька не дала, запрокинула голову, заставляя их остаться в глазницах. Сердито хлопнула носом, заварила во френч-прессе утренний кофе. Привычный запах растекся по кухне, возвращая Юльку к позитивному настрою. Все будет хорошо, потому что не имеет права быть плохо. И так хуже некуда.

Хрустальные часы все еще нахально показывали меньше семи. И, чтобы занять время, Юлька ни с того ни с сего затеяла печь оладьи. Всего через сорок минут на столе возвышалась аппетитная золотистая горка, к которой прилагалась найденная в недрах буфета баночка с янтарным медом. Ко всему этому великолепию полагался еще и чай, ароматный, душистый, заваренный вместе с листиками смородины, за которыми Юлька специально сбегала во двор. На улице было хорошо. Пахло скошенной травой, росой и тем понятным каждому ароматом лета, который наполнял душу счастьем только оттого, что был безусловным, существовал здесь и сейчас. Неожиданно для себя Юлька приняла решение искупаться.

Бодро натянув купальник и сарафан, она прихватила мягкое полотенце с большой кисельной розой посередине, немного подумав, припрятала под кровать драгоценный макбук, накинула на дверные петли замок и, не запирая его, выскочила на залитую солнцем пустынную улицу.

Деревня, конечно, уже не спала. Где-то мычала корова, и этот звук означал, что творог и парное молоко, которые вчера грезились ей символом деревенской жизни, точно можно будет купить. Неподалеку брякала колодезная цепь, а значит, можно раздобыть воды. Немного в стороне брехала собака, лениво, словно нехотя. Окружающий мир наполнялся звуками, мирными, очень домашними, повседневными звуками, и от их обыденности у Юльки внезапно улучшилось настроение. На душе посветлело, словно кто-то невидимый включил слабую, вполнакала, лампочку.

По едва заметной тропинке, петляющей мимо соседских заборов, она пробралась к воде. Между последним забором и берегом росли сосны, высаженные чьими-то заботливыми руками. Сосны были невысокие, ростом с Юльку, но свежая хвоя упоительно пахла, даря надежду, что когда-то здесь будет маленький сосновый бор, а в нем маслята, рыжие, скользкие, крепенькие. Юлька засмеялась и выскочила на берег, сбросила сарафан, скинула тапочки, боязливо вступила в воду, довольно прохладную в середине июня.

Окунаться в такую воду было страшно, но Юлька пересилила себя, ежась, зашла по пояс, вдохнула воздуха, легла на воду и поплыла. Река немного пахла тиной. Буйки, отмечающие фарватер, были довольно далеко, дна под ногами, впрочем, уже не чувствовалось, а течение оказалось довольно быстрым, гораздо быстрее, чем казалось с берега. Чтобы не сносило, Юлька повернулась, поплыла против течения, держа в поле зрения брошенное на песок полотенце с розой, и с непривычки быстро устала.

– А вы неплохо плаваете.

Она не заметила, как на берегу очутился человек. Высокий, довольно плотный мужчина. Его лица Юльке было не разглядеть, мешало бьющее в глаза солнце. Наверное, сосед, тот самый Игорь Петрович, с которым нельзя рассчитывать водкой, только деньгами.

Юлька фыркнула, потому что вода от неожиданности попала в рот, сделала несколько резких рывков в сторону берега, проверила, есть ли дно, встала. Мужчина на берегу начал уверенно раздеваться, и она на мгновение струхнула, прикидывая, нужно ли уже начинать кричать или пока не стоит, но так ничего и не придумала. Он же бултыхнулся в воду и нырнул, вынырнув в полуметре от Юльки, не больше.

– Я говорю, вы неплохо плаваете. Но знайте, места у нас тут обманчивые. Река на вид спокойная, а течение сильное. Так что имейте в виду.

– Спасибо, – поблагодарила вежливая Юлька, потому что молчать дальше было уже неудобно. Теперь, когда мужчина оказался так близко, она видела, что он уже не молод, лет шестьдесят, не меньше. Лицо у него было добродушным, глаза веселыми, не потухшими с годами, как это иногда бывает. – Я учту на будущее.

– Надолго к нам? – поинтересовался мужчина. – Вы к кому приехали?

– К себе, – ответила Юлька, отчетливо понимая, что на этот вопрос ей предстоит ответить еще раз сто, не меньше, пока до последнего деревенского жителя не дойдет известие, что она новая владелица дома номер пять на Сиреновой улице. Адрес ее домовладения выглядел именно так, красиво. – Я купила дом у Алексея Кирилловича. Все лето буду здесь жить.

– Здорово, – прокомментировал мужчина и снова нырнул, а затем появился на поверхности, растирая мясистое лицо плотной пятерней. – Соседями, значит, будем. Я во-он из того дома, – он показал на красную крышу, располагающуюся аккуратно напротив нового Юлькиного жилища. – Звать меня Николаем Дмитриевичем. Обращайтесь, если вам что нужно, завсегда с удовольствием помогу.

– За водку или за деньги? – на всякий случай уточнила Юлька.

Он не понял, посмотрел вопросительно и немного обиженно.

– Господь с тобой, красавица. Я еще из ума не выжил, за помощь с женщин денег не беру, – сообщил он. – Да и деньгами, слава богу, не обижен. Свой бизнес имею.

– Здесь, в деревне? – Юлька чувствовала, что бьет рекорды по тупости, но почему-то молчать не могла.

– Почему в деревне? – Он лег на воду, поплыл мощными толчками, видимо, чтобы не замерзнуть. Вода действительно была еще холодновата. Прокричал издали: – В деревне я живу, дом у меня тут. А работаю в областном центре. До него же всего сорок минут езды, вот я и езжу. Фирма моя строительные краны в аренду сдает. Тем и живу. Мотаюсь по области много, конечно, но на работу могу ездить не каждый день. Сам себе хозяин.

Юлька начала замерзать, а потому выбралась на берег и завернулась в полотенце, завороченно наблюдая, как сосед решительно плывет поперек течения, словно решив пересечь Волгу. Его голова уже покачивалась довольно далеко, аккуратно на уровне буйков, и внезапно Юльке стало страшно.

– Николай Дмитриевич! – закричала она. – Возвращайтесь!

Он послушно развернулся, поплыл к берегу, не спеша выбрался из воды, отфыркиваясь, словно большой кит, тоже поднял с земли полотенце.

– Так что, подсобить нужно чего? – спросил буднично, словно и не было между ними глупого разговора про деньги.

– А научите меня печку топить, – попросила Юлька, решив не стесняться. – А то я совсем не умею. И еще покажите, где можно воды набрать, а то у меня только покупная и очень быстро заканчивается. А я вас могу завтраком накормить. Я оладьи испекла.

– Оладьи – это хорошо. – Он натянул джинсы прямо поверх мокрых плавок, и Юлька каким-то седьмым чувством поняла, что, не будь здесь ее, он бы их просто снял, чтобы не мочить брюки. – Тебя звать-то как, красавица?

– Юлия, – ответила она и тут же поправилась: – Юля.

– Вот что, ты беги домой, Юля. – Он улыбнулся, впрочем, очень по-доброму. – Я сейчас домой заскочу, переоденусь и по-соседски загляну к тебе. Разберемся и с печкой, и с водой, и с прочим, что там тебе надо. Главное – чаю завари покрепче. Желательно с мятой. Мята-то есть у тебя?

– Не знаю, – смешалась Юлька. – Я только вчера приехала, еще не успела понять, где у меня что.

– А Лешка, значит, дом продал. Странно. – Николай Дмитриевич перекинул полотенце через плечо и зашагал по тропинке. Юлька как замороженная тронулась вслед за ним. – Вроде не говорил, что собирается, хотя мы, конечно, особо дружны-то никогда не были. Ну да ладно, бог с ним. В общем, девушка Юля, накрывай на стол, сейчас приду, и договорим.

* * *

Вероника проснулась оттого, что солнечный луч пробрался сквозь штору и защекотал ей нос. Она чихнула и открыла глаза. Солнце било сквозь легкие льняные шторы, которые слегка колыхались на сквозняке, создаваемом приоткрытым окном и щелью под дверью. В комнате вкусно пахло летом, скошенной накануне травой, свежим ароматом реки, которая едва слышно плескалась совсем рядом, буквально в нескольких шагах.

В Италии их дом стоял на морском берегу, и Вероника привыкла, просыпаясь, слышать шум моря и втягивать ноздрями его терпкий, чуть горьковатый аромат. Странно, но здесь, в российской глубинке, ей нравилось просыпаться ничуть не меньше, и местные обычаи, сперва казавшиеся чудными и диковинными, за две недели деревенской жизни отчего-то стали привычными и родными.

Мама говорила, что это голос крови, но в подобные глупости Вероника не верила. Она вообще долго не могла понять, с чего это маме приспичило завести коттедж в какой-то сельской глуши, но потом оценила затею по достоинству. Отец открыл в Москве какой-то совместный бизнес, требующий его регулярного присутствия, а потому собственный загородный дом не казался полной нелепицей. Уж если жить в России подолгу, то почему бы и не с удобствами?

Прошлым летом купили землю и начали строительство, и этим, когда все было полностью готово, мама сказала, что хочет провести лето в русской деревне, неподалеку от мужа. Веронике она тоже предложила поехать, чтобы познакомиться со страной, родной ей наполовину, и та согласилась, потому что давно мечтала посмотреть Москву.

В шумном мегаполисе, да еще в разгар чемпионата мира по футболу, ей надоело дня за четыре. И они с мамой отправились в ту самую деревню Сазоново, в которой у них был дом, построенный по всем правилам современного комфорта. За забором стояли такие же дома, может, чуть поменьше, чем у семьи Джентиле, но тоже с канализацией, горячей водой, душевыми кабинами и кондиционерами, деревянными настилами, с которых можно нырять в Волгу, каменными дорожками и подстриженными французскими газонами. Конечно, здесь были дома и попроще, но привычки заглядывать за чужие заборы Вероника не имела.

Мама рассказывала, что в старой части деревни, которая начиналась метрах в ста от их коттеджа, за большим шлагбаумом, разделяющим местный уклад на «два мира, два образа жизни», люди существовали совсем по-другому. Смешные деревянные домишки, покрашенные в разные цвета, Вероника разглядывала издали как что-то диковинное. То, что за деревянными заборами (мама называла их странным словом «штaketник») туалеты устроены по принципу дырки в полу, воду набирают в колодцах, не имеют в доме душевых кабин, Веронике казалось очень странным. Настолько странным, что она даже не до конца верила, что кто-то может жить в таких условиях.

Мама то ли в шутку, то ли всерьез предлагала сходить к кому-нибудь в гости и проверить, но Вероника местных дичилась. Тетки без возраста в ситцевых или трикотажных халатах, резиновых ботах и с непонятным пучком волос на голове казались ей пародией на женщин, а мужики и вовсе были страшными – толстыми, небритыми, полупьяными. Над деревенскими улицами частенько висел густой мат, а здесь, за шлагбаумом, жизнь казалась понятной, привычной и в принципе ничем не отличаясь от той, которая текла в их родном Портофино. Ну почти. Там среди их соседей были долларовые миллионеры, а в Сазонове все-таки нет.

В общем, это лето дарило привкус приключений, по которым в своей гладкой, ровной, безмятежной жизни Вероника Джентиле очень скучала. И при каждом утреннем пробуждении она ощущала этот привкус на своих губах и улыбалась новому дню.

Вскочив с кровати, она подбежала к окну, настежь распахнула его и выглянула вниз. До нее донеслось жужжание кофемолки и запах свежемолотого кофе, что означало только одно: мама уже встала. Кто-то позвонил в калитку, и Вероника поняла, что это деревенская женщина, которую звали Анной Петровной, принесла свежего молока и творогу. Сначала Вероника боялась есть подобную пищу, а потом распробовала и страшно полюбила, так же как серый деревенский хлеб, который та же Анна Петровна пекла в большой печи и приносила «итальянцам» на продажу. Как со смешком понимала Вероника, их семья была в Сазонове чем-то экзотическим, чем положено гордиться. Ну примерно как дрессированной обезьянкой, привезенной из дальних странствий.

На «коттеджную» территорию местные, конечно, особо не ходили. Имели гордость. Только если по делу. Что-то починить, покосить траву, прополоть грядки, прибрать в доме или вот, как Анна Петровна, продать деревенскую снедь, нехитрую, но очень-очень вкусную.

К творогу, который Вероника пристрастилась есть на завтрак, полагался еще и мед, густой, ароматный, тягучий, переливающийся в банке так, что отражающееся в нем солнце слепило глаза. В Портофино отчего-то не было такого меда. Вероника спросила, почему, и мама что-то долго и непонятно объясняла про сорта клевера, белого и розового, которые росли в Сазонове, а больше, видимо, нигде.

При воспоминании о твороге с медом рот непроизвольно наполнился слюной. Вероника заторопилась, натянула тапочки, накинула легкий халатик и поспешила вниз, откуда раздавались голоса и звяканье посуды.

– Доброе утро, мамочка. Здравствуйте, Анна Петровна.

Она подбежала к большому круглому белому столу, на котором лежали льняные салфетки, стояли тарелки и чашки, а также готовый кофейник с уже сваренным кофе. Мама была стремительной и все делала очень быстро. На большом блюде исходили жаром оладьи, золотистые, пышные, именно такие, как любила Вероника. Она плюхнулась на стул, схватила одну оладью, щедро полила медом, налитым отчего-то в фарфоровый молочник, сунула в рот, откусила и зажмурилась. Вкусно!

– Здравствуйте. – Анна Петровна кивнула в ответ, проводив глазами разметавшиеся по плечам длинные Вероникины волосы, прямые, гладкие, черные, как вороново крыло, в отца. Украдкой вздохнула.

Ее дочка была Веронике ровесницей, но выглядела далеко не так роскошно. Да и немудрено, откуда у них такие деньги? И то хорошо, что девчонка в областном центре учится на бюджете да живет в общежитии. За лето мать на дачниках, глядишь, и заработает на новые джинсы и какие-нибудь модные ботинки. А так – где же взять лишнее, если работаешь в деревенском магазине? А дочка у нее так-то и не хуже. И фигурка у нее ладная, и прическа модная. А что гладкости и сытости такой в облике нет, так не жили в сытости и гладкости никогда.

– Иришка моя экзамены сдает, – сказала она Веронике. – На каникулы не приедет, сказала, на работу хочет устроиться, а жаль, была бы тебе подружка. Скучно, поди, одной.

– Мне с мамой никогда не скучно, – возразила девушка, но тут же, сообразив, что это звучит невежливо, поправилась: – Но новому другу я всегда рада. Какую профессию получает ваша дочь?

По-русски она говорила свободно, но немного «неправильно». Чуткое ухо легко выхватывало, что русский для нее не совсем родной и что говорит она на нем нечасто. Только с мамой.

– Так у нас выбор-то невелик, – усмехнулась пожилая женщина. Или не пожилая? Вероника впервые задумалась о том, сколько ей может быть лет. Дочка – студентка... По всему выходило, что примерно как маме, но Вероника даже рассмеялась тихонько от такого нелепого предположения. Ее мама выглядела лет на пятнадцать младше Анны Петровны.

– На учительшу она учится. Русский язык и литература. А кем работать доведется, так кто ж его знает? В школу идти не хочет, а уж куда возьмут, то только богу ведомо.

– Зачем же учиться по такой специальности, работать по которой не хочешь? – искренне удивилась Вероника, примериваясь ко второй оладушке. – Я, к примеру, изучаю историю искусств, специализируюсь на итальянском Средневековье и в будущем собираюсь работать в музее.

Теперь Анна Петровна смотрела на нее соболезнующе, как на убогую.

– Так в музеях совсем мало платят, – покачала головой она. – То ли дело консультант в магазине бытовой техники! Там процент с продаж. Если язык хорошо подвешен, то заработать можно. А учиться все равно надо, чтобы диплом был. Сейчас без высшего образования вообще не устроиться. Грамотные везде нужны. Даже за прилавком.

Говорила она по-русски, но Вероника из ее пламенной речи мало что поняла. Как-то диковинно в этой России все было устроено. Не так, как в Италии. Хотя во всем мире одинаково, что с деньгами хорошо, а без них плохо. Веронике повезло – у нее имелся состоятельный отец. Но она была полна решимости пробиваться в жизни самостоятельно и сделать карьеру, приносящую хороший доход. И с чего Анна Петровна думает, что искусствоведам мало платят?

Мама рассчиталась за принесенные продукты, проводила женщину до двери, вернулась, поставила перед Вероникой большую плошку с рассыпчатым свежим творогом. От него шел сытный сывороточный дух, и это было так вкусно, что Вероника потянула носом, втягивая в себя чуть терпковатый аромат. Обернулась к молочнику с медом, щедро полила творог, зачерпнула первую ложку, отправила в рот и снова зажмурилась. Ах, как вкусно было завтракать в Сазонове! Еще бы клубники...

– Анна сказала, что через пару дней поспеет, – ответила мама, потому что, оказывается, последние слова Вероника произнесла вслух, – она и принесет. Ты знаешь, здесь совсем другая клубника. Нигде больше я такой не ела.

– Где здесь, в Сазонове? – удивилась Вероника. – А когда ты ее тут ела?

– Да не в Сазонове, а в России, – засмеялась мама и погладила жующую дочь по голове. – Какая ты у меня смешная, доченька, медом перемазанная!

Доев, Вероника поднялась наверх, натянула шорты и топ и выбежала на зеленую, засаженную итальянской травой лужайку, плюхнулась в подвесное кресло с козырьком, надежно защищающим от солнца, блаженно закрыла глаза. Где-то жужжал шмель, едва слышно,

немного сердито, на одной низкой, басовитой ноте. Словно выговаривал кому-то за провинность. Вероника пыталась представить, кто и как провинился перед шмелем, но не смогла. Не хватило фантазии. Она представила длинный-длинный, немного сонный, практически бесконечный предстоящий день и вдруг заскучала – впервые с приезда в Сазоново. Все-таки плохо, что у нее здесь нет ни одного друга. Скорее бы приехала эта самая дочка Анны Петровны, что ли. Хотя нет, та ведь сказала, что не приедет.

От ворот вдруг послышался залиvistый лай, тут же сменившийся жалобным скулежом. Вероника вскочила, подбежала к забору, рванула надежные засовы калитки, глухо лязгнул металл. Увиденная снаружи картина заставила ее на минуту остолбенеть, но столбняк тут же прошел, так как ситуация явно требовала ее вмешательства. К забору жалась маленькая, похожая на лисичку кудлатая собачонка. Приседая на задние лапы, она скулила от ужаса, практически визжала, потому что напротив нее в стойке стоял готовый к броску соседский лабрадор Боня.

Вообще-то Боня был миролюбивый парень, и за две недели жизни в Сазонове Вероника успела с ним подружиться. Хозяин Бони по совместительству владел еще лесопромышленной ассоциацией, поэтому деньги имел немалые, вполне достаточные для того, чтобы отгрохать дом, по размерам превосходящий коттедж семьи Джентиле. Это обстоятельство неизменно вводило бизнесмена в благодушное настроение, поэтому на пляже, который по российскому законодательству нельзя было перегораживать глухим забором, он регулярно подходил к Веронике и ее маме пообщаться. А Боня прибегал и того чаще.

Пес он был хороший, ласковый. Вот только других собак страсть как не любил, особенно маленьких. Видимо, их несуразные размеры коробили чувствительного Боню, нарушали гармонию и оскорбляли чувство прекрасного. Вот и сейчас он твердо намеревался доказать маленькой рыжей собачке, что она ошибка природы. «Ошибка» была, похоже, согласна на все, кроме перспективы быть растерзанной. При виде Вероники она судорожно задержалась и завизжала еще громче.

– Да ладно тебе, не кричи. Он тебя не тронет. Боня, фу!

Она решительно выскочила на улицу, схватила собачку на руки, одним прыжком вернулась на свой участок и захлопнула калитку прямо перед носом не ожидавшего такого вероломства Бони. Тот сел на задние лапы и озадаченно гавкнул.

– Вот тебе и «гав»! – прокричала ему через забор Вероника и опустила собачку на траву. – Так, а с тобой нам теперь что делать?

Вопрос был не праздный. Мама страдала аллергией на собак, и именно по этой причине в семье Джентиле их никогда не держали. Отец собак обожал, но жену любил еще больше. Услышав суматоху, мама вышла на крыльцо, увидела собаку, всплеснула руками:

– Ниточка, ты что?!

Ниточка – это было домашнее, русское прозвище. Вероника, Ника, Ниточка. В этом имени начитанной Веронике чудилось что-то от Достоевского с его Неточкой Незвановой. Впрочем, Достоевский к их жизни никакого отношения не имел. Отец звал ее итальянской разновидностью имени – Берениче, а друзья – Вероник или просто Ник. Все варианты ее полностью устраивали. Как говорят в России? Называй хоть груздем, только в корзину не клади?

– Мам, я ее уведу, – поспешно заверила Вероника. – Я же все понимаю. Просто ее на улице Боня сожрет. Жалко. А я сейчас дождусь, пока он убежит, и ее выпущу.

– Она, наверное, из деревни прибежала. – В голосе матери звучало легкое беспокойство. Такая уж у нее была особенность – всех и всегда жалеть. – Выпустишь ее за калитку – вдруг заплутает. Или Боня опять прибежит. Ты бы лучше отвела ее сама до деревни, Ниточка.

Хитрый материнский план Вероника разгадала сразу. Маме смешон был детский страх дочери перед местными жителями, вот она и пыталась правдами и неправдами заставить ее вступить с ними в контакт. Если она отправится в деревню, то потребуются ходить по дворам,

искать хозяев рыжего приبلудыша. Ведь выхода-то все равно нет. Не бросать же собачонку на произвол судьбы. Вон глазенки какие испуганные.

– Мам, она, наверное, голодная, – заметила Вероника. – Можно я дам ей немного творога и молока, а потом уже отправлюсь на поиск хозяев? Ты не волнуйся, в дом я ее заводить не буду.

– Я и не волнуюсь. – Мама пожала своими безупречными плечами.

Несмотря на сорок семь лет, она все еще оставалась очень красивой и на свой возраст ни капельки не выглядела. Конечно, во многом это была заслуга синьоры Чезаре, мамино косметолога, мастерски владеющей искусством уколов красоты и гиалуроновых нитей, но и мама была молодец и просто прелесть – тоненькая, сохранившая высокую грудь и тонкую талию, со спины она походила на Вероникину ровесницу. Их часто принимали за сестер, а не за мать и дочь, и непонятно, кто этим гордился больше – сама мама или Вероника.

– Я не волнуюсь, – повторила мама, – и да, конечно, ты можешь покормить собаку. Только не творогом. Я сейчас заварю овсяной каши и порежу туда кусочки вчерашнего мяса.

Неожиданный сытный завтрак собака восприняла благосклонно и съела все до крошечки. Посмотрела умильно, снизу вверх, нету ли добавки, благодарно застучала хвостом.

– Больше не дам, тебе плохо станет, – сообщила собаке Вероника и, тяжело вздохнув, пошла за кедами. Хочешь не хочешь, а надо тащиться в деревню.

Собачка выходить за калитку категорически отказывалась. Видимо, ей отправляться в местное «общество» не хотелось так же сильно, как и Веронике.

– Я тебя на руках понесу, – пообещала ей девушка. – Не бойся, никто тебя не обидит. Найдем твоих хозяев.

Поцеловав маму, она подхватила собачку на руки, снова лязгнула тяжелым засовом на калитке и решительно шагнула на посыпанную мелким гравием дорогу, ведущую из коттеджного поселка в другую жизнь, которая начиналась сразу за шлагбаумом. Неподалеку бродил какой-то мужик, и Вероника было испугалась, но тут же передумала бояться. Мужик вовсе не выглядел угрожающе, да и в кармане шорт лежал мобильный телефон, и Вероника уговаривала себя, что мама обязательно придет ей на помощь, если что-то случится. Собственные страхи ей были немного смешны, но все-таки с телефоном и мамой она чувствовала себя увереннее.

* * *

Первый же завтрак на новом месте оказался совместным с совершенно незнакомым до этого мужчиной.

«Ну ты даешь, Юлия Валерьевна!» – в душе подтрунивала над собой Юлька, а еще удивлялась, отчего ей так спокойно с Николаем Дмитриевичем. В ее доме он сразу по-хозяйски обошел обе комнаты – кухню-гостиную и отделенную деревянной перегородкой спальню. Обследовал стоящие в сенях ведра, в которых, оказывается, была вода, вполне пригодная для мытья посуды и умывания, зря Юлька изводила свои с таким трудом затащенные в дом бутылки. Уселся за стол, с удовлетворением оглядел горку румяных, хотя уже остывших оладушек, отправил одну в рот, ловко подцепив пальцами.

– Сметаны дать? – спросила Юлька.

– Смета-а-ны? Покупная она у тебя небось? – уточнил он и помотал головой. – А меда нет?

– Есть. – Юлька метнулась к буфету, куда уже убрала баночку с янтарной жидкостью. – От старого хозяина остался. Вкусный. Вы не знаете, здесь можно такой купить?

– Отчего ж не знаю? Пасечник у нас на окраине деревни живет. Вот как по дороге пойдешь, не в сторону коттеджного поселка, а как раз наоборот, так последний дом его будет, а

за ним – поле с ульями. Пасека, значит. Поле клеверное, очень уж его пчелы любят, оттого и мед такой получается, ароматный, озорной.

Про «озорной мед» Юлька до этого никогда не слышала, но название ей понравилось. От съеденной с утра ложки меда у нее немного чесалось в горле, как будто кто-то щекотал там колкой травинкой, озорничал. Она налила Николаю Дмитриевичу чаю, плеснула и себе в кружку, села напротив, по-старушечьи подперев ладонью щеку.

– Ты что, красавица, тут одна жить собираешься? – спросил Николай Дмитриевич. – Или приехать кто должен?

– Никто мне ничего не должен! – немного сердито ответила Юлька. – Что ж я, по-вашему, одна прожить не в состоянии? Я, между прочим, взрослый человек. Сама за себя отвечаю.

– Конечно, отвечаешь. Просто ты, как я погляжу, человек совсем не деревенский. Как же справляться собираешься?

– Научусь как-нибудь, – беспечно ответила Юлька, хотя никакой беспечности не чувствовала. Только сейчас она начала понимать, в какую авантюру ввязалась, купив этот деревенский дом. Спросила с надеждой: – Вы ведь мне можете?

– Да помогу, – крикнул сосед.

Допив чай, он встал из-за стола, по-хозяйски подошел к печи.

– Для начала давай затопим, а то сыро у тебя в доме. Хоть и лето, а раз в два дня топить надо. Вот смотри, дрова у тебя в поленнице, которая в сенях.

Он толкнул входную дверь, и Юлька послушно шагнула за ним в сени, где находилась небольшая, аккуратно сложенная куча дров. На Юлькин взгляд, их здесь было маловато. До конца лета могло не хватить.

Николай Дмитриевич ловко и споро принес дрова, уложил их в печь шалашиком, показывая Юльке, как правильно, бросил кору для растопки, поискал глазами газету, нашел, чиркнул спичкой, кинул подпаленную газету на кору. Через минуту в печи уже бодро гудел огонь.

– Вот выюшка, закроешь, когда все прогорит и угли станут серыми. Пока красные, не трогай, а то угоришь. Вот кочерга, угли пошебуршишь хорошенько. Поняла?

Юлька кивнула, как завороженная глядя в бушевавший в печи огонь. Как ни мало она понимала в деревенской жизни, ясно было, что тяга в печи хорошая.

– Ну готовить ты в печи вряд ли будешь, у тебя вон плита есть. Газовый баллон если кончится, скажи мне, я закажу, чтобы привезли. Так, теперь пойдем еще покажу, как в бане печь протопить и как насос включить, чтобы от соседского пруда воду накачать. Не ведрами же ее носить, в баню-то!

– А можно из соседского? – уточнила Юлька, свято почитавшая чужую собственность.

– А чего ж нельзя? Деньги на то, чтобы его вырыть, Кириллыч в свое время давал. Насос тоже его. Да и нет соседей-то. Старики умерли, а сын их старый дом снес, новый возводить начал, да то ли деньги кончились, то ли время. Стоит бельмом на глазу уже, почитай, третий год, а хозяева сюда и носу не кажут.

Дом на соседнем участке действительно стоял недостроенный. Огромный домина из светлого дерева в два этажа с возведенными стропилами, но без крыши. То есть с одной стороны участок Юльки граничил с владениями Ирины Сергеевны в желтых кудряшках и ее мужа Игоря Петровича, готового помогать только за водку, а с другой – вот с этим вот огромным пустым домом, из которого, казалось, кто-то подглядывал с высоты второго этажа за тем, как тут у Юльки что устроено. Впрочем, глупые мысли о подглядывании она тут же отмела. Кому она может тут понадобиться, в сазоновской глуши?

После накачивания воды и растопки бани Николай Дмитриевич сводил Юльку к деревенскому колодцу, который оказался недалеко, всего через три дома. Проходя мимо них, Юлька без усталости вертела головой. Все ей было внове, как будто в тот день, когда приезжала смотреть дом и принимала решение о покупке, она находилась под наркозом.

У крайнего до колодца дома во дворе копошился какой-то молодой парень, лет двадцати трех – двадцати пяти. Был он без футболки, и Юлька по достоинству оценила накачанный торс, руки с ходящими туда-сюда буграми мышц. Парень явно занимался бодибилдингом. Результат выглядел красиво.

Заборы почти по всей деревне стояли не сплошные, новомодные, из металлического профиля, закрывающие участки от чужих взглядов, а сделанные по-старинке, деревянные, штакетные, через которые можно было наблюдать деревенскую жизнь как на ладони. И у Юлькиного дома был такой же забор, и если сначала это обстоятельство ее немного расстраивало, потому что жить на виду она не любила, то теперь ей вдруг стало на это наплевать. Все живут – ну и она будет.

Николай Дмитриевич набрал два ведра воды, показав, как прокручивать ворот колодца, помог донести их до дома и распрощался, сказав, что ему все-таки сегодня нужно съездить в областной центр на работу.

– Вернусь, приглашу в гости, – сообщил он. – Покажу, как я живу. Ну и ты в любой момент прибегай, как помощь понадобится. Если я на месте, то помогу.

После его ухода Юлька помыла оставшуюся от завтрака посуду, поставила на плиту жаркое из картошки с бараниной, чтобы вечером угостить вернувшегося с работы соседа, быстро протерла в доме пол, потому что вообще-то была чистюлей и считала, что распускаться нельзя ни при каких обстоятельствах, даже если живешь не в современной квартире, а в старом деревенском доме с разошедшимися полами, неловко ворочая тяжелой кочергой, пошевелила в печке угли, как велел Николай Дмитриевич, а потом с чувством выполненного долга уселась в стоящей посреди двора добротной круглой беседке, которую, впрочем, не мешало бы покрасить, открыла свой ноутбук и погрузилась в работу. Установленную на день норму – четыре часа – она намеревалась выполнить к обеду и снова сбегать искупаться.

Впрочем, поработать удалось не больше получаса, когда внимание ее было отвлечено звонким девичьим голосом из-за калитки:

– Здравствуйте! Могу ли я поинтересоваться, эта собака не принадлежит вам?

В построении фразы было что-то неправильное. Юлька не поняла, что именно, хотя чуткое ухо отметило некоторую странность речи. Она подняла голову и посмотрела на выглядывающую из-за забора девушку невообразимой красоты. Черные гладкие волосы, очень блестящие, струились по плечам, обнаженным благодаря чересчур открытому топу. Джинсовые шортики открывали безупречные ноги, практически не оставляя простора воображению. Лицо, узкое, благородное, очень красивое, привлекало внимание широкими, соболями, тоже очень черными бровями, огромными распахнутыми глазами, в которые словно кто-то налил густого вишневого сока, точеным носиком и высокими скулами. Девушка была очень красива. Юлька невольно залюбовалась, не понимая, откуда такое чудо взялось в деревенской глуши.

На руках у девушки сидела маленькая огненно-рыжая собачка с большими и отчего-то печальными глазами. Юльке, которая очень любила собак, тут же захотелось ее погладить.

– Нет, это не моя собака, – вежливо ответила она, подходя к калитке, чтобы осуществить свое намерение и погрузить пальцы в шелковистую шерстку.

– А вы не знаете, чья она может быть? Мне очень нужно найти ее хозяина.

– Нет, я тут живу только со вчерашнего дня, – покаянно сказала Юлька и распахнула калитку. – А что, этот замечательный пес потерялся? Это мальчик или девочка?

– Я не знаю, – растерянно отозвалась красавица и зашла во двор, пусть и с некоторым опасением. – Она забежала к нам на территорию, а моя мама имеет аллергию на собачью шерсть, поэтому мы не можем иметь возможность оставить ее у нас. И выпустить на улицу ее будет неправильно. Ее разорвут большие собаки, и она погибнет.

– Вы что, иностранка? – поинтересовалась Юлька, потому что говор девушки не давал ей покоя. – У вас акцент очень странный, извините меня за мое любопытство.

– Ничего. Нет, я не иностранка. То есть да, иностранка, конечно. Меня зовут Вероника Джентиле. Мой папа итальянец, а мама русская. Это лето мы проводим в нашем доме, вон там, за шлагбаумом. Хотя вообще-то мы живем в Италии. Просто у папы здесь дела.

– В Сазонове? – изумилась Юлька и даже рассмеялась от подобного предположения.

– Нет, в Москве. – Вероника тоже засмеялась, видимо, оценив всю нелепость сказанного. – О, я вижу, у вас макбук. Вы умеете пользоваться Интернетом. Вы тоже не местная?

– Я купила этот дом два дня назад, – зачем-то пустилась в объяснения Юлька. – Вообще-то я живу в областном центре, а сюда приехала... – она замялась, подбирая нужные слова, – тоже на лето. Правда, мой дом гораздо скромнее вашего.

– А вы были у нас в поселке? Откуда вы знаете, который дом наш?

– Нет-нет. Я просто знаю, что в той стороне, за деревней, расположен коттеджный поселок. Но на экскурсию туда я еще не ходила, хотя и собиралась. Меня зовут Юлия. Хотите, я угощу вас оладьями, да и собачке вашей что-нибудь найдется.

– В том-то и дело, что собачка не моя, – Вероника стала чрезвычайно серьезной. – Может быть, вы можете мне помочь? Я тоже в первый раз пришла в деревню, как вы выразились, на экскурсию. В том доме, – она махнула рукой в сторону огорода Ирины Сергеевны, – на меня накричали. И мне не очень ловко ходить по дворам, спрашивать про собаку. И бросить я ее не могу. Может быть, вы пойдете со мной? Пожалуйста!

Еще пару дней назад перспектива шататься по деревенской улице, заходить в чужие дома и пытаться пристроить собаку вряд ли прельстила бы Юльку, но жизнь в Сазонове отчего-то бесповоротно меняла ее характер. Бросить красавицу Веронику на произвол судьбы она не могла. И рыжую собачку с печальными глазами тоже.

– Ладно, пойдете, – решительно сказала Юлька. – Подождите только немного, я унесу компьютер в дом. Не хочу оставлять без присмотра.

На улице было жарко и немного пыльно. На зеленой лужайке участка дышалось как-то легче, чем на деревенской улице, где проезжающие машины и велосипеды взбивали облака песка. Кучка юных велосипедистов, кстати, как раз проезжала мимо, в сторону узкой тропинки перед шлагбаумом, отделяющим деревню от коттеджного поселка. Там, как знала Юлька, располагался основной деревенский пляж. Не та тихая заводь, в которой купалась она сегодня утром, а настоящий насыпной пляж с мелким белым песком.

Один из мальчишек спешил аккуратно у Юлькиной калитки, нагнулся, чтобы завязать шнурок на разбитых, очень заслуженных кроссовках, снизу бросил любопытный взгляд на Юльку и Веронику, попытался заглянуть внутрь двора, но заметил, что они на него смотрят, шмыгнул носом и с независимым видом полез обратно на велосипед.

– Гришка-а-а-а, ты идешь?! – окликнули его уехавшие вперед друзья.

– Да-а-а! – заорал он в ответ и уехал, подняв новое облако пыли.

– Так, – деловито сказала Юлька, проводив мальчишек глазами, – на моей стороне крайний дом – Игоря Петровича и Ирины Сергеевны, там ты уже была, и там тебя уже облаяли. Следующий дом мой, и со мной тоже все ясно. Вон тот дом, ближний к основному пляжу, принадлежит Николаю Дмитриевичу, но его сейчас нет. Он на работу уехал. Впрочем, я не думаю, что это его собака. Больше я тут никого не знаю, поэтому предлагаю начать вот с этого дома напротив моего. Пойдем?

– А если нас снова облают? – жалобно спросила Вероника.

– Переживем, в крайнем случае гавкнем в ответ. Не бойся.

* * *

Впрочем, особой уверенности в том, что говорила, Юлька не чувствовала. Ходить по чужим дворам ей было внове. Но не бросать же на произвол судьбы эту милую девочку с огром-

ными глазищами и неправильным выговором! Да и собаку жалко. Пропадет ведь. Юлька решительно перешла дорогу и постучала в калитку.

– Входите, открыто, – послышался женский голос.

Этот дом был самым обыкновенным. Добротный одноэтажный деревенский дом с мезонином, очень похожий на тот, что купила Юлька, только более ухоженный: свежевыкрашенный в веселый желтый цвет, с сияющими белыми резными наличниками на окнах. Газон во дворе был аккуратно подстрижен, грядки ровные, словно вычерченные по линейке. К удивлению Юльки, они были присыпаны чем-то похожим на опилки. Чуть поодаль стояли детские деревянные качели, небольшая прямоугольная беседка с мангалом, а при ней – деревянный настил, на котором расположились два шезлонга. Было видно, что владения свои хозяева любят и заботятся о них старательно.

К ним уже спешила полная улыбчивая женщина лет шестидесяти, вытирала руки клетчатым фартуком, надетым поверх ситцевого платья в цветочек.

– Здравствуйте, я могу вам чем-то помочь?

– Даже и не знаю, – ответила Юлька и тоже улыбнулась. Женщина была приятная и с первого взгляда располагала к себе. – Мы ищем хозяев вот этой собаки. Не ваша?

– Нет, у нас Дик. Лайка. Муж с ним на охоту ходит, – пояснила женщина и, поймав обеспокоенный Вероникин взгляд, добавила успокаивающе: – Да вы не волнуйтесь, он в вольере заперт. Не тронет песика вашего.

– Да он не наш, – начала объяснять Вероника. – Забежал к нам на территорию просто.

Она махнула рукой в сторону своего дома.

– Ой, так вы из коттеджного поселка? – догадалась женщина. – То-то я смотрю, одеты чудно, не по-нашему. Не по-деревенски, то есть.

– Вероника из поселка, а я ваша новая соседка. – Юлька решила воспользоваться случаем, чтобы познакомиться. – Купила вон тот дом. Меня зовут Юлия. Юля.

– Алексей, что ли, дом продал? – женщина всплеснула полными руками и закричала куда-то в сторону: – Вася, Вася! Ты слышь, Кириллыч-то дом продал! Ну надо же, а не говорил ничего!

Из-за дома появился крепкий коренастый мужичок с седой проплешиной на голове, но гладко выбритый и подтянутый. Видимо, отставной военный.

– До-о-ом! – протянул он. – Ну так что ж с того? Владелец, имеет право. Вот же ж скрытый мужик! Всегда таким был.

– Он к детям уехал, – сочла нужным пояснить Юлька. – Я так поняла, что у него что-то случилось, потому что он за неделю собрался. Объявление в газете дал о продаже, а я увидела и купила.

– К каким детям? – Теперь женщина выглядела искренне удивленной. – Не было у него никаких детей. Один как перст жил, с тех пор как Женечка утонула.

– Женечка? Это его дочь? – Юлька даже вздрогнула, представив степень постигшего старика горя.

– Да нет, какая дочь? Он и женат никогда не был. Шальной в молодости мужик был, все его куда-то носило. Где только не работал. И матросом на трале, и шахтером был, и скалолазом – всего и не упомнишь. В восемнадцать лет, как в армию ушел, так только наездами домой и возвращался. Я-то почему знаю? Мамки наши дружили. Алексей-то меня старше был. Я родилась, он аккурат в армию ушел. Я-то у мамки последыш, а они с Клавдией Васильвной, царствие ей небесное, подруги были до самой смерти. Вот она про Алексея всегда все и рассказывала. Очень уж горевала, что не женится он никак.

– А Женя? – От обилия имен и ненужной, в общем-то, информации у Юльки голова начала идти кругом.

– Так я ж и говорю. Женя его племянница была. Дочка младшего брата. Володей его звали. Он-то как раз женился. Невеста у него городская была. И он к ней в город переехал. На заводе работал, на нефтеперегонном. Дитенок у них родился. А потом они с женой в Крым поехали, на машине. Ладно, малую с собой не взяли, у бабки с дедом оставили! И на машине разбились. Вот горе-то какое! Клавдия-то Васильевна за одну ночь поседела. Вот как по младшему убивалась! А Женечка сиротой осталась. В шесть-то лет! Ну бабка с дедом ее к себе забрали, конечно. А потом, когда уж они померли, старые были, больные, Лексей вернулся домой. Он им так-то помогал девку растить, деньги присылал, в отпуск приезжал, подарки привозил. А потом и вовсе тут осел, в деревне. И после смерти родителей стал Жене опекуном. Ну а потом, как она утопилась, так он один и остался. Так что нет у него семьи, не к кому ему уезжать было.

– Утопилась? – подала голос Вероника, которая до этого слушала молча и с легким недоумением на лице. Чужая семейная история, с бухты-барахты вываленная совсем незнакомыми людьми, казалась ей неуместной, но тут любопытство пересилило.

– Ну да, – женщина закивала, часто-часто, видимо, ей очень хотелось поговорить. А тут и случай представился в лице сразу двух собеседниц. – Это было ровно тридцать лет назад. Такое лето выдалось! Жаркое, грозное. Что ни день, то гроза. Старики еще судачили, что гром – это божья кара. Мол, сердится всевышний на нас за что-то. Не к добру это. И как накаркали. Сначала Митька утоп. И в ту же ночь Женечка утопилась. Сбросилась с обрыва – там, выше по течению, обрыв есть. И под ним омут.

– Кто такой Митька? – ошалело спросила Юлька.

– Да боже ж ты мой, мальчишка деревенский! Прокопьевны нашей младший брат. Юркий такой был, сорвиголова, вечно лез куда не просили. Вот он перед грозой на речку побежал купаться – и утоп.

– А Женя почему утопилась? – снова поинтересовалась Вероника. – Из-за этого мальчика, что ли?

– Да нет, Митька к ней был никаким боком. Ему двенадцать, ей семнадцать. Такая красавица была, лапочка просто! А утопилась – ведомо отчего: от несчастной любви. Знамо дело, со студентом своим поссорила да и сиганула в реку с обрыва. А он-то, бедолага, не вынес вины-то такой – и в петлю. Вот прям назавтра и повесился. Вот какой ужас у нас тут был. Три загубленных души, почитай, за одну ночь!

– А студент тут откуда взялся? – Вероника не унималась, но ответить соседка не успела. Ее муж сделал шаг вперед и решительно отвел ее рукой, как воздух разрубил.

– Вот что, мать, хватит болтать-то уже, – сказал он. В добродушном, казалось бы, тоне звучали стальные нотки, и жена их расслышала, стусевалась. – Вот что за помело вместо языка! Стоит увидеть благодарного слушателя – и ну болтать, ну болтать! В общем, Юля, мы рады, что вы тут дом купили. Если помощь по-соседски будет нужна, то всегда заходите, если болтовни моей бабы не боитесь. Меня, кстати, Василий Васильевич зовут, а супругу мою – Светлана Капитоновна.

– Спасибо, – сказала Юлька и сделала спасительный шаг к калитке. От болтовни Светланы Капитоновны у нее даже голова заболела. – Раз собака не ваша, то мы пойдем. Нам еще много домов предстоит обойти.

– Странно, – пожилая женщина выглядела теперь задумчивой, – как псинка одна-то оказалась? Даже и не знаю. Вась, спросить бы надо у...

Муж зыркнул на нее глазами так сурово, что она тут же захлопнула рот.

– Ничего, мы поищем, – сказала Юлька и устремила к выходу. За ней послушно шла Вероника, по-прежнему прижимающая к своему роскошному топу с надписью «Шанель», теперь Юлька отчетливо это рассмотрела, рыжую лохматую собачонку, сидящую на руках тихо-тихо.

Выскочив на улицу и захлопнув калитку, они обе, не сговариваясь, засмеялись.

– Вот ведь болтушка! – отдышавшись, воскликнула Юлька. – С таким жаром рассказывает про события тридцатилетней давности, как будто они случились вчера.

– А все-таки интересно, почему та девушка приняла решение броситься с обрыва, – задумчиво сказала Вероника. – И откуда взялся этот студент, который не смог без нее жить, тоже интересно. Вот я бы ни за что не покончила с собой. Никогда. Это же совершенно невозможно – сделать таким образом, чтобы твои родители плакали.

В ее речи опять проскользнула та легкая неправильность, которая манила к себе собеседника.

– Так не было у нее родителей, нам же рассказали, – ответила Юлька. – Хотя да. Я бы тоже не смогла покончить с собой, и именно по этой причине.

Ей вспомнились первые дни после измены мужа, когда казалось, что вокруг кончился воздух. При попытке вдохнуть в ноздри втягивалась какая-то железная масса, полная колких металлических опилок. Юлька вспоминала школьные опыты с магнитом, когда опилки создавали на белом листе бумаги затейливый рисунок, и думала, что именно такой кружевной металлический узор сейчас оседает в ее легких, разрывая их.

Она думала о смерти, которая могла бы подарить облегчение от той боли, которую она испытывала. Боль была невыносимой, и если бы Юлька могла, то сделала бы спасительный шаг с крыши или уснула бы в ванной, полоснув лезвием по венам, или напилась бы каких-нибудь таблеток. Но она не могла, потому что мама с папой этого точно не заслуживали. Боль была только ее и ничья больше, и перекладывать ее на самых близких и горячо любящих ее людей было бы неправильно. Точнее, невозможно.

Видимо, что-то изменилось в ее лице, потому что Вероника внезапно взяла ее за руку. Ладонь у нее была узкая, прохладная, очень красивая.

– Что-то случилось? – спросила девушка, и Юлька подышала открытым ртом, замотала головой, прогоняя внезапно напавшую на нее боль.

– Нет-нет, все хорошо, – сказала она фальшиво. – Пойдем дальше.

Следующие два дома по обе стороны улицы были нежилыми. Один – соседский – недостроенный. Второй, рядом с домом говорливой Светланы Капитоновны, – старый, облезлый, страшный, с провалившейся крышей и окнами, забитыми крест-накрест досками. Сквозь щели в заборе был виден и участок, заросший крапивой в человеческий рост. Еще на нем стояли яблони, замерзшие, черные, лишенные листьев, мертвые, разохшиеся. Жутью от них веяло, и Юлька невольно ускорила шаги.

За заколоченным домом оказался магазин, наоборот, очень яркий и веселенький. Крыша металлическая, недавно уложенная, блестящая на солнце, стены выкрашены в фиолетовый цвет, наличники – в желтый, крылечко – в голубой. От безвкусовой нарядности рябило в глазах, но повышалось настроение.

Напротив стоял тот самый дом, к которому Юлька сегодня уже ходила к колодцу. Сложенный как бог парень и сейчас был во дворе. Не успела Юлька его заметить, как песик на руках у Вероники вдруг подал голос и смешно затыкал. Молодой человек завертел головой, словно искал источник звука, увидел Юльку, затем Веронику и замер. Юльке стало смешно. Она прекрасно понимала, почему идущая рядом с ней красавица вызывает такую реакцию. Будь Юлька мужчиной, сама бы застыла как вкопанная.

– Извините, – вежливо сказала она, пытаясь подавить смех. – Вы не могли бы нам помочь?

Парень тут же выскочил из калитки. Футболку он так и не надел. Тугие бугры мышц перекатывались под загорелой кожей, но Веронику эта картина отчего-то оставила равнодушной. Она смотрела вежливо, не более того.

– Что бы вы хотели? – спросил парень, пожирая итальянскую красавицу глазами. – Меня, кстати, Виктор зовут. А вас?

– А нас Юлия и Вероника. – Юлька ткнула пальцем, обозначая, кто есть кто. – Скажите, вы не знаете, кому здесь, в деревне, может принадлежать вот эта собака? Потерялась, а мы хозяев ищем.

– Не знаю, я же не местный. – Виктор все не сводил с Вероники блестящих глаз. – Думаю, впрочем, как и вы. Я сюда временно приехал, готовлюсь поступать в институт, а тут хорошо, тихо, воздух свежий. Так-то я в Москве живу. После школы поступать не стал, в армию сходил, поработал немного. Все не мог решить, по какой стезе идти. Вот в этом году определился. ЕГЭ у меня в июле, со школы ничего не помню, если честно. В столице жара, пыль, шум, гам, чемпионат мира, вот я и сбежал.

– К родственникам? – Юльке было неинтересно, но она проявляла свою знаменитую вежливость, из-за которой над ней не раз смеялся муж. То есть теперь уже бывший.

– Нет, случайно получилось. Тут в советские годы пансионат был, в нем партийные шишки отдыхали. Ну и отцу моему бывать тут приходилось. Он мне и сказал, что река тут чистая, воздух чудесный. Я и поехал. Думал, на месте пансионата базу отдыха какую-нибудь соорудили, как везде. Ан нет, тут все с землей сровняли и под коттеджную застройку отдали. Но я обратно возвращаться не стал. Комнату снял с полным пансионом и живу не тужу.

Через открытую калитку Юльке было видно крыльцо, на которое из дома вышла средних лет женщина. Увидев ее, Вероника чуть округлила глаза.

– Здравствуйте, Ольга! – крикнула она, видимо, тоже проявляя вежливость.

– Ты ее знаешь, что ли? – удивилась Юлька.

– Ну да, она у нас в доме прибираться приходит, – кивнула Вероника.

Женщина подошла поближе, желая удостовериться, кто ее окликнул, улыбнулась довольно хмуро, но не враждебно.

– Добрый день. Тебя мама послала? Прибрать внеурочно надо?

– Нет-нет, я просто так, мимо проходила, – торопливо сказала Вероника. – Вы не знаете, это чья?

Женщина прищурилась, разглядывая, потом покачала головой.

– Да нет у нас вроде таких. Смешная какая! Как и не собака. Зачем такая в хозяйстве?

– Да не говорите, Ольга Прокопьевна, – не согласился Виктор. – Сейчас каких только собак не держат. Чем меньше, тем моднее.

Прокопьевна... Это отчество Юлька сегодня уже от кого-то слышала. Ах да, это же старшая сестра того самого неугомонного Митьки, который утонул тридцать лет назад. Юлька и сама не знала, зачем ей эта информация, но мысли в голове не хотели успокаиваться. Интересно, сколько ей было лет, когда брата не стало? И помнит ли она его? Не спросишь ведь, неудобно.

– Мы, пожалуй, пойдем, – заговорила из-за ее плеча Вероника, которую подобное любопытство вовсе не терзало. – Раз вы не имеете информации о владельцах этой собаки, то нам следует отправиться дальше, чтобы продолжить поиски.

Она повернулась, чтобы перейти дорогу к стоящему напротив дому, чистенькому, ухоженному. Юлька шагнула было следом, но Виктор придержал ее за руку.

– А почему она так странно говорит? – шепотом спросил он, кивая Веронике в спину.

– Она наполовину итальянка, – так же шепотом пояснила Юлька. – Всю жизнь прожила в Италии. Здесь, как и вы, случайно.

– А можно я это... с вами пойду? – В голосе парня послышалась мольба. – Нехорошо, что две женщины по чужим домам ходят, а я помогу в случае чего.

Юльке снова стало смешно.

– Да пойдем, – кивнула она. – Нам не жалко.

Из-за соседнего забора уже раздавался жизнерадостный Вероникин голос. Похоже, и там у нее были знакомые. Юлька вместе с Виктором перемахнула через проезжую часть и зашла

в тенистый, очень уютный и чистый дворик. Там хозяйничала тоже очень чистая и уютная полная женщина, с которой щебетала Вероника.

– А это Анна Петровна, она делает самые вкусные в мире молоко, сметану и творог, – сообщила она, когда Юлька подошла поближе. – Кстати, Юля, вам же тоже, наверное, нужны молочные продукты! Анна Петровна имеет корову и торгует результатами своего сельскохозяйственного труда. Попробуйте, то очень вкусно.

– Если можно, я бы стала вашей покупательницей, – сказала Юлька. – Деревенские молочные продукты... Да я о них мечтала, когда покупала тут дом! Кстати, если вы не знаете, я теперь живу в бывшем доме Алексея Кирилловича, он мне его продал.

То ли ей показалось, то ли воздух вокруг стал каким-то наэлектризованным. Юлька чуть ли не физически ощутила его потрескивание, хотя Анна Петровна выглядела все так же приветливо. Залаяла собака на руках у Вероники, словно тоже почуяла неладное.

– Я могу к вам по дороге к ним заходить, – женщина кивнула в сторону Вероники. – Каждое утро. Вам сколько чего надо? У меня еще яйца домашние есть, да и курочку могу забить, если нужно. Все свежее, экологически чистое, вы не думайте.

– А еще у Анны Петровны скоро клубника поспеет, – влезла Вероника, нечувствительная ни к каким электрическим разрядам.

В заднем кармане ее джинсовых шортов зазвонил телефон. Она вытащила его, глянула на экран, состроила милую гримаску.

– Да, мамочка. У меня все в порядке. Хорошо, если так нужно, я сейчас приду.

Отключившись, она убрала телефон и жалобно посмотрела на Юльку.

– Мама просит меня вернуться домой. Сейчас будет выходить на видеосвязь мой отец. Я должна быть дома, чтобы он не расстроился из-за невозможности меня увидеть. Юлия, вы сможете пристроить собаку без меня? Если нет, то может ли она пока побыть у вас, а потом я вернусь, и мы продолжим поиски?

У нее было такое несчастное выражение лица, что Юльке стало ее жалко.

– Беги, конечно, – сказала она. – Я чего-нибудь придумаю. Родители – это святое.

– Спасибо, – пискнула Вероника, кинулась Юльке на шею и расцеловала.

Знаменитая южная экспрессия была налицо, но в деревне в центральной части России выглядела немного нелепо, хотя порыв Юлька оценила.

– Я провожу, – тут же вызвался Виктор, преданно глядя на Веронику. – Можно?

Та только царственно кивнула, передала собаку Юльке с рук на руки и направилась к выходу на улицу. Договорившись о «молочных поставках», Юлька тоже поспешила дальше. Обойдя еще пару домов и убедившись, что сидящего у нее на руках пса, видимо, закинули в Сазоново инопланетяне, она почувствовала, что устала. Часы на телефоне уже показывали два часа дня, и, как запоздало вспомнила Юлька, это было то самое время, до которого она собиралась поработать. Ужасно хотелось пить. Собака тоже тяжело дышала, и Юлька вдруг испугалась, что пес сейчас умрет на жаре от обезвоживания.

– Вот что, – решительно сказала она, – откуда ты взялся, я не знаю, но пока поживешь у меня. Найдутся твои хозяева – хорошо, не найдутся – тоже ладно. Будешь охранять дом, понял? И вообще, вдвоем не так скучно.

Вернувшись к себе, Юлька оставила собаку в комнате, налила ей попить в небольшую эмалированную мисочку, которую нашла на кухне, и задумалась о том, как обустроить собачий быт. Наверху был чердак, на котором, как выяснила Юлька при осмотре дома, хранилось много хлама. Наверное, там можно найти что-то подходящее под собачью подстилку, к примеру, старое одеяло, и еще пару мисок под еду и воду на улицу. Бросив виноватый взгляд на укоризненно прозябающий на столе макбук, она велела собаке ждать и по приставной лестнице полезла наверх.

На чердаке было сумрачно и прохладно. После уличной жары это казалось облегчением. Немного пахло пылью и чем-то затхлым, но не противно. Вещи вокруг были навалены так плотно, что Юлька еле передвигала ноги. Вот колесо, видимо, от какой-то старой телеги. Вот ручная маслобойка, Юлька как-то видела такую в книжке, рассказывающей о деревенском укладе. Несколько старых рассохшихся бочек, коробка с веретенами – в этом месте ей сразу вспомнилась сказка о мертвой царевне, которая укололась о веретено и заснула. Юлька опасно отложила коробку в сторону. Несколько деревянных мисок, которые было бы здорово ошкурить, покрыть лаком, разложить шары, сделанные при помощи клея и ярких ниток, и украсить беседку. Старая, резная, очень красивая деревянная прялка. Несколько старых кувшинов.

Чердак казался заколдованным царством, полным не изведанных пока чудес. Глаз выхватывал здесь все новые и новые «сокровища», которые хотелось тут же разобрать, но внизу ждала голодная собака и несделанная работа, поэтому Юлька дала себе честное слово разобрать все это богатство попозже, схватила толстое ватное одеяло, свернутое на тяжелом старинном сундуке, обитом по углам кованым железом, подцепила несколько стоящих одна в другой железных солдатских мисок и спустилась вниз, подозревая, что за очень скромные деньги купила не только дом с участком, но еще и спрятанное в нем сокровище.

* * *

После обеда (приготовленный на скорую руку свекольник и макароны с тушенкой) Юлька все-таки решительно достала компьютер и засела в беседке за работу. Отчего-то здесь, в Сазонове, время текло совсем иначе, чем в городе. Там, пытаясь отвлечься от мучающих ее дум, Юлька судорожно погружалась в работу, ныряла в нее с головой, а потом обескураженно обнаруживала, что прошло всего пятнадцать минут. Здесь же она успела только пройти вдоль одной деревенской улицы, а полдня уже как не бывало.

День стоял жаркий, но в деревянной беседке было довольно прохладно из-за обвившего ее дикого винограда. Мир вымышленных героев из компьютерной игры, как всегда, захватил Юльку целиком, без остатка. Работалось отчего-то споро и как-то весело. Она уже и забыла, когда в последний раз во время работы у нее возникал такой кураж.

Опомнилась она, когда на часах было уже начало восьмого, да и то лишь оттого, что на соседском участке возник какой-то шум. Убедившись, что сегодняшняя рабочая норма перевыполнена с лихвой, Юлька выключила свой ноутбук, вышла из беседки, всем телом потянулась, разгоняя кровь, и застыла, словно громом пораженная.

За забором, отделяющим ее участок от соседского, ходил голый мужик. На вид ему было около шестидесяти, может, чуть меньше, и к этому обстоятельству прилагались все обязательные к этому возрасту атрибуты: пивное брюхо, чуть кривоватые, поросшие волосами ноги, лохматая, начинающая сесть грудь и болтающееся мужское достоинство, впечатляющее, впрочем, лишь самим фактом своего представления на суд широкой публики.

– Черт, это же, наверное, тот самый Игорь Петрович, которому нельзя предлагать водку! – догадалась Юлька. – Неужели жена ему не сказала, что их сосед продал дом и теперь здесь живет молодая дама, перед которой вряд ли нужно ходить в стиле ню?

Мужик тем временем дошагал до устроенного под навесом летнего душа, вода в который поступала из огромного железного чана, греющегося на солнце, открыл вентиль. Стена воды обрушилась на него, скрывая от нескромных Юлькиных глаз. Она сочла этот момент благоприятным для того, чтобы обозначить свое присутствие.

– Добрый вечер! – громко сказала она.

Мужик повернулся на звук ее голоса, снова являя миру свои неприкрытые интимные подробности и ничуть по этому поводу не комплексуя.

– И тебе не хворать! – трубно прогудел он. – Ты, значит, и есть наша новая соседка? Вот уж Кириллыч учудил так учудил!

Он закрутил вентиль, вода, немного заглушающая его голос, стихла, он шагнул из-под навеса на траву, по-прежнему не смущаясь своей наготы. Отряхнулся, как большая вышедшая из воды собака.

– Будем знакомы, Игорь Петрович.

– Юлия, – пискнула Юлька, не зная, куда девать глаза. Она чувствовала, что стремительно краснеет, и ничего не могла с этим поделать. – Игорь Петрович, а вы не могли бы не ходить голым по улице? – спросила она. – А то это как-то неприлично, вы не считаете?

– А ты чего, целка? – спросил он. – При виде мужского органа в обморок падаешь? Так ежели тебе не нравится, можешь не смотреть. Хотя на меня в общем-то никогда бабы не жаловались.

– Мне нет никакого дела до ваших мужских способностей, равно как и до вашей анатомии. – Юлька старалась говорить спокойно, но чувствовала, что голос начинает дрожать. Не от страха, а оттого, что ей противно. Такую разновидность людей – «хам обыкновенный» – она не переносила физически. Сразу начинало тошнить. – Но мне кажется, что вы нарушаете правила приличий, а вместе с ними – общественный порядок.

– Это с чего вдруг? – Сосед изумился так сильно, что даже его лысина, просвечивающая из-под начинающих редеть волос, пошла складками. – Я у себя дома, между прочим. Вернулся с работы, пошел душ принять, потому как пропотел. Я водителем автобуса работаю, весь день в жаркой кабине. Право имею у себя на участке ходить как хочу. И не тебе меня оговаривать! Поняла, жужелица?

Юлька с ужасом поняла, что сейчас заплачет. Нет, никогда она не умела общаться с хамами и никогда, наверное, не научится. Кто-нибудь другой, острый на язык, наверное, нашел бы что сказать, но не она. Вот и муж ее бросил, потому что она бесхарактерная.

Слезы все-таки полились из глаз, Юлька отвернулась и опрометью бросилась к дому, чтобы не разрыдаться на глазах у отвратительного Игоря Петровича. В ногах у нее путалась рыжая собака, мирно спавшая после сытного обеда возле Юльки в беседке, а теперь выскочившая на шум.

– Добрый вам вечерок!

Из-за калитки улыбался Николай Дмитриевич, и Юлька кинулась к нему, как к доброму знакомому, ища защиты.

– Э-э-э, что случилось-то, красавица? – спросил он, когда она, рванув калитку, оказалась рядом и остановилась, судорожно переводя дух и удерживая себя от того, чтобы не броситься ему на грудь. Снизу оглушительно залаяла собака. – О боже ж ты мой, а это что за зверь? Откуда взялся?

– Вероника подобрала, девушка из коттеджного поселка. Она наполовину итальянка, – сообщила Юлька, догадываясь, впрочем, что из ее смутного текста мало что можно понять. – Он потерялся, наверное, мы хозяев не нашли, и я его себе забрала. Не бросать же на произвол судьбы. Я даже не знаю, мальчик это или девочка.

Николай Дмитриевич нагнулся, поднял собаку в воздух, отчего та начала судорожно извиваться всем телом и отчаянно заверещала.

– Девочка, – вынес вердикт он. – Надо ей имя дать, что ли. Ты ее как называть будешь?

– Жужа, – решительно произнесла Юлька, вспомнив, как противный сосед только что назвал ее Жужелицей, и решив, что «подобное лечат подобным». – Я буду звать ее Жужей.

– Ну, значит, я приглашаю вас с Жужей на ужин, – сказал Николай Дмитриевич и опустил собаку на землю. Она тут же прижалась к Юлькиным ногам. – Ты меня завтраком кормила, так что ужин с меня.

– А я жаркое потушила, – вспомнила Юлька. – Хотела вас угостить.

– Жаркое завтра на обед съешь, – ответил он. – Даю вам пять минут на сборы.

– Да какие сборы? – засмеялась Юлька. – Вечер теплый, даже кофту накидывать не надо. Сейчас ноутбук в дом унесу, и все. Продукты какие-нибудь взять? Что мы с вами готовить будем?

– Обижаешь. – В глазах Николая Дмитриевича плясали бесенята. – Я уже подготовился. Заехал в городе в специальное место, где продают свежайшую телятину. Нарезали мне там ломтей нужного размера, сейчас соорудим шашлык по-карски.

– Шашлык? – с сомнением спросила Юлька. – Так его же мариновать надо. Этак мы только к полуночи поужинаем. И телятина...

– Я секрет знаю, – рассмеялся Николай Дмитриевич. – В общем, приходи давай. А рыдала чего?

Вопрос он задал без всякого перехода, так что Юлька даже не сразу поняла, что он ее о чем-то спрашивает, а когда поняла, зарделась малиновым цветом – от неловкости.

– Сосед у меня неприятный, – сказала она. – Я не знаю, как себя с такими людьми вести, вот и расстроилась. Ерунда, пройдет.

– Петрович-то? – Николай Дмитриевич понимающе кивнул в сторону соседского забора, впрочем, сейчас скрытого за стоящим на Юлькином участке сараем. – Он не сахар, конечно. Характер дрянной, душонка подловатая. Раньше, в советские годы, таких куркулями называли. Не слышала?

Юлька покачала головой.

– Но ты его близко к сердцу не принимай. Он в целом-то мужик безвредный, хоть и говнистый. От него шуму много, а выхлоп небольшой. В реале пакость какую сделать у него кишка тонка. Я так думаю. Ну а будет сильно мешать, я с ним поговорю. Не бойсь.

Юлька благодарно улыбнулась ему.

Через пять минут она уже сидела в соседском дворе в удобном раскладном кресле и наблюдала за хозяином, священнодействовавшим на небольшой площадке, где стояли мангал, электрогриль и небольшой стол для приготовления еды. Огромные куски мяса он посыпал солью и перцем и оставил лежать на столе, чтобы дали немного сока. Разжег мангал, снабдив его углем, занялся чисткой огромного количества лука – больших луковиц взял штук десять, не меньше.

Шелуха летела в разные стороны, лук он строгал тонкими полукольцами и складывал на дно большой чугунной кастрюли. Когда с луком было покончено, а угли прогорели, ловко шлепнул мясо на железную решетку, прижал сверху второй такой же, пожарил минут по пять с каждой стороны и убрал с огня. Снятое с решеток мясо положил в кастрюлю поверх лука и поставил ее прямо на угли, закрыв сверху тяжелой стеклянной крышкой.

– Ну вот, ждем ровно двадцать минут – и шашлык по-карски готов. Я пока к нему соус сделаю, а ты будь добра, помой вон там, под краном, помидоры и крупно порежь вот в эту миску.

Юлька бросилась исполнять поручение. Все, что делал этот пожилой человек, получалось у него ловко и споро. Она даже залюбовалась, глядя на его уверенные движения и мелькающие руки. Так же ловко орудовал с мангалом и мясом ее муж. То есть бывший муж, конечно. Впрочем, мысли о нем сейчас были лишними и ненужными. Ни к чему, кроме новых слез, они привести не могли.

– Вот недаром говорят, что мясо женских рук не терпит, – сказала она, чтобы отвлечься от грустных размышлений. – Я даже не слышала никогда про такой рецепт.

– У меня друг был, повар в абхазском ресторане. Когда мы в Абхазии работали, он нам каждый вечер такие пиршества устраивал. И рецепт этого шашлыка я на всю жизнь запомнил. Полчаса – и все готово. А вкус будет такой, что ты все съешь до последнего кусочка и пальчики оближешь. Лук, когда на огне томится, дает сок, который проходит через мясо и придает ему

особый аромат. Никакого маринада не надо. Маринад убивает весь сок. Вот сейчас попробуешь и убедишься, что я прав.

К тому моменту, как Юлька вымыла и порезала помидоры, застелила стоящий под яблоней огромный стол скатертью, за которой Николай Дмитриевич сбегал в дом, расставила тарелки, он успел перемешать открытый томатный соус с мелко порезанными укропом, кинзой и петрушкой. Мелко покрошил туда почти целую головку чеснока, принес граненые стаканы и бутылку красного вина. Снял с мангала кастрюлю и открыл ее. Густой аромат потек по участку, вызывая невольное слюноотделение. Пахло так умопомрачительно, что Юлька несколько раз судорожно сглотнула.

– Так, сейчас Жу же блюдце принесу, чтобы мяса ей порезать, и будем садиться, – командовал сосед. – Давай располагайся. По глазам вижу, что голодная.

Юлька с изумлением поняла, что это правда. Несмотря на плотный завтрак и вполне себе приличный обед, она ужасно хотела есть. С учетом, что за последние три недели она не ела практически ничего и похудела на шесть килограммов – «от нервов», как говорила мама, – это было странно. В деревне Сазоново у нее проснулся небывалый аппетит. Она и сама не знала, хорошо это или плохо.

С нетерпением следя за руками Николая Дмитриевича, который открыл вино, разлил его по стаканам и теперь накладывал на две тарелки огромные куски пышущего жаром мяса, она чуть не подпрыгивала от предвкушения ужина. Вечер обещал быть просто замечательным. Кабы еще не комары...

В этом месте Юлькины мысли в изумлении остановились, потому что она осознала, что комаров нет. Ни одного. Это было странно, потому что вчера, когда она сидела на крылечке, привыкая к своим новым владениям, комаров было очень много, и, чтобы избавиться от их надоедливого общества, ей пришлось зажечь предусмотрительно купленные в райцентре спирали. Может, и Николай Дмитриевич их разжег, да так, что она и не заметила? Юлька завертела головой.

– Чего ищешь?

– Фумитокс, – честно призналась она.

– А зачем он тебе?

– Удивляюсь, что комаров нет. Думаю, когда вы успели его зажечь.

– Да я и не успевал. – Николай Дмитриевич усмехнулся. – Наука не стоит на месте. Я каждый год к другу в гости езжу, да не один раз. Мы с ним вместе на Уренгое работали. А живет он в Финляндии. И пару лет назад я оттуда привез специальный агрегат, ультразвуковой. Включаешь в розетку, и ни одного комара в радиусе пятидесяти метров. Можно было и до километра купить, но мне такого не надо. Я его вон в углу у забора поставил – на участок достаточно, и дом захватывает, и до бережка, где мы с тобой утром встретились, тоже хватает. В общем, нет у меня комаров без всякого фумитокса.

– Эх, жаль, что до моего двора не «достреливает»! – засмеялась Юлька.

Вообще-то она шутила, но Николай Дмитриевич к ее словам отнесся со всей серьезностью.

– Переставлю, – сказал он. – Если к этому забору ее перетащить, тогда и твой двор захватит. Кабель, правда, надо кинуть. Туда-то у меня он под землей проложен. В общем, быстро не обещаю, но сделаю.

– Да что вы, не надо! – слабо запротестовала Юлька. – Неудобно.

– Неудобно на потолке спать, одеяло падает, – сообщил Николай Дмитриевич. – Ну что, вкусное мясо?

– Ум отъесть! – призналась Юлька. – Жу же вон тоже довольна. А мне давно так вкусно не было. Вы просто волшебник!

Сосед сделал независимое лицо, словно стесняясь похвалы, но Юлька видела, что на самом деле ему приятно.

– Николай Дмитриевич, я так понимаю, что вы всю Россию объехали? – спросила она, вытянув ноги в удобном садовом кресле. После сытного ужина хотелось поговорить, а вот вставать и идти домой, в пустой дом, совсем не хотелось.

– Не Россию, а Союз, – с готовностью откликнулся ее собеседник. – Мы газопроводы тянули – и на Севере, и в Прибалтике, и в Грузии. Вахты несли по три-четыре месяца. Хорошее было время, тогда все на совесть делалось, не то что сейчас – тяп-ляп, все на глазок. И друзья у меня с тех пор на всю жизнь. В любой момент могу в гости поехать – хоть во Владивосток, хоть в Самарканд, хоть в Тулу. Немногие сейчас могут этим похвастаться.

Весь вечер они пили вкусный чай с листиками шоколадной мяты. Заходило солнце, опускаясь куда-то за реку, еле видную за деревьями, но чуть слышно плещущую волнами, словно утешая: вот она я, рядом. Шелестела листва яблонь. Где-то далеко едва слышен был звон комаров, которые не совались сюда, на участок. Спадала дневная жара, обволакивая тело приятной прохладой. Пахло свежим покосом. В ногах спала свернувшаяся клубочком Жужа. Юлька просто физически ощущала, как с нее стекает напряжение, державшее душу своими цепкими лапами почти месяц. Ей было хорошо и спокойно.

– Э-э-э, да ты спишь почти! – Николай Дмитриевич вынул из ее рук пустую чашку, поставил на стол. – Домой пойдешь или, может, искупаемся на ночь глядя? Вода сейчас – что парное молоко!

– А давайте, – лихо ответила Юлька, хотя минуту назад действительно засыпала. – Никогда не купалась вечером. Вы только подождите меня, я за купальником сбегая.

Выскочив на улицу, она перебежала дорогу, метнулась в собственный двор, сорвала с веревки сушащийся с утра купальник, пробежала по ступенькам крыльца, заскочила в дом. Ей не хотелось заставлять Николая Дмитриевича ждать. Неожиданно зарычала Жужа, зашлась внезапным лаем, стоя под открытым окном.

– Ты что? – Юлька присела и потрепала собаку по лохматой голове. – Дурочка, там же нет никого. Пошли купаться.

Схватив полотенце, она бросилась вон из дома, отметив, что собака хоть и бежит за ней, но все-таки оглядывается куда-то в сторону огорода. Кто там мог быть? Если только кроты. Николай Дмитриевич научил ее, что в деревне никто не запирает дверей. Замок означает, что хозяева уехали надолго – в райцентр или в область. А вот при походе в магазин или к соседям двери просто подпирали палочкой. И никогда в Сазонове ничего не пропадало. Обитатели коттеджей, Николай Дмитриевич звал их «новые сазоновцы», конечно, свои дома держали под замком, а то и под видеонаблюдением, а деревенские жили душа нараспашку. Кроме ноутбука, ничего ценного в Юлькином доме не было, его она привычно сунула под подушку, а дверь запирать не стала, вставив в замочные петли щепочку.

– Общий пляж показать или на «наше место» пойдем? – спросил Николай Дмитриевич, уже поджидающий ее на улице.

– На наше, – немного конфузливо сказала Юлька, словно в этом «наше» было что-то интимное. – Общий я потом посмотрю.

Тропинкой они спустились на тот же самый пяточок берега, на котором познакомились утром. Николай Дмитриевич, не останавливаясь, вошел в воду и поплыл, мощно загребая воду руками. Юлька заходила осторожно, привыкая к воде, которая, впрочем, действительно казалась теплой. Легла на воду, поплыла. Невыносимая легкость охватила ее, словно вода смывала все плохое, что накопилось в душе.

Жужа ждала на берегу, в воду боязливо не заходила, но и нервозности не проявляла.

– Давай наперегонки! – прокричал Николай Дмитриевич, чья голова уже покачивалась где-то в районе буйков.

– Нет! – прокричала в ответ Юлька. – Я глубины боюсь!

Казалось, ветер унес ее слова, но сосед понял, отвернулся и поплыл дальше. Юлька решила держать курс вдоль берега. Впрочем, течение было таким быстрым, что она не продвигалась вперед ни на полметра. Николая Дмитриевича и вовсе сносило вниз по течению, но, казалось, его это совершенно не беспокоит.

Однако волновать тревожную новую соседку не входило в его планы, поэтому довольно скоро он развернулся и начал работать руками, возвращаясь назад и преодолевая силу течения. Было понятно, что плавать здесь – хорошая зарядка для мышц.

Юлька вылезла на берег раньше, вытерлась полотенцем, натянула сарафан, а полотенце накинула на плечи. Села на траву.

– Уф. – Ее сосед, отфыркиваясь и тяжело дыша, как после пробежки, тоже вышел из воды, накинул свое полотенце, начал энергично растирать плечи и спину.

– Вообще-то меня не удивляет, что тут мальчик утонул, – сказала она. – Такое течение, что просто страшно.

– Какой мальчик? – удивился Николай Дмитриевич. – Вроде не было у нас таких ужасов.

– Ну как же. Нам сегодня ваша соседка рассказывала, Светлана Капитоновна. Что тридцать лет назад здесь мальчик утонул. Митька.

– Так оно ж когда было! С чего это Светлана вдруг в воспоминания четвертьвековой давности кинулась?

– Да как-то к слову пришлось, – промямлила Юлька, чувствуя себя ужасно глупой. – Рассказала, что то лето для деревни было вообще ужасное. Сначала Митька утонул, потом девушка утопилась, Алексея Кирилловича племянница, а потом ее молодой человек с собой покончил.

– Никогда баб не понимал! – в сердцах сказал Николай Дмитриевич. – Может, оттого и с женой развелся. Все мог терпеть, кроме ее окаянного языка. Да какая разница, что тут тридцать лет назад было?

– Да не знаю, интересно... – Юлька пожала плечами. – Вы сами подумайте. Три ЧП за одно лето, вернее, за одну ночь, а потом тридцать лет ничего похожего! Может, это все и вообще было неслучайно?

– Да бог его знает. – Николай Дмитриевич пожал мощными плечами. – Я же тут тогда только наездами бывал. Мы с женой и детьми в городе жили, да я еще и на вахты уезжал. К матери получалось вырываться пару раз за лето. Митьку я помню, конечно. Шебутной парень был, все ему на месте не сиделось. Сколько раз мать моя его из сада шугала – и не перечислить. У них свои яблони во дворе росли, а он все норовил по чужим садам лазать. Приключений пацану не хватало, это ж понятно. Подглядывать любил, подслушивать. Ух, и давали ему жару, когда ловили! А ему все нипочем было. В общем, неудивительно, что утоп. Никакого страха парень не знал, никакого удержу не имел. А река у нас – да, быстрая. Хотя местные парнишки ее всегда знали как свои пять пальцев.

– А Женя?

– А что Женя? Девушка как девушка. Тихая, милая, красивая. Без родителей выросла, деда с бабушкой любила очень, уж так убивалась, когда они умерли один за другим! С Алексеем тихо жила, слушалась его, уважала.

– Так почему же она с собой покончила?

– Да не знаю я, вот пристала! – Николай Дмитриевич, кажется, начинал сердиться. – Я ж тебе говорю, меня тут не было, когда это все произошло. Вроде влюбилась она.

– В кого? В кого-то из деревенских?

– Да нет. Местных она всех знала как облупленных. Шалопайи одни, в кого тут влюбляться? Не в Игоря же, – он кивнул в ту сторону, где угадывался дом соседа – любителя ню. – Хотя Игорь и старше ее был сильно. Но не в нем дело. В общем, тут у нас на месте коттеджного

поселка пансионат обкомовский был. Вот там и отдыхал какой-то местный бонза с семьей. Женой и сыном. Вот за того сына и вышла война между Женькой и еще одной местной дивчиной, Катькой звали. Их дом – тот, что сейчас заколоченный стоит. В общем, парня она этого добивалась так, что глазам было больно смотреть. Сам-то я не видел, мать потом рассказывала. А ему, вишь, Женька в душу запала. С месяц они тут женихались на глазах у всей деревни. Уж такая любовь была, что куда там. А потом случилось то, что случилось. Женька с обрыва сиганула. Тут, чуть подале, за коттеджами, лес сосновый начинается, раньше там как раз обкомовская территория была, а за ней обрыв. С него и взрослые-то нырять не рисковали, вот где течение сумасшедшее, да еще и круговороты под водой – омут, чистый омут, затянет, и оглянуться не успеешь! Вот она оттуда и сиганула. А парень-то ее назавтра и повесился. То ли с тоски, то ли вину какую за собой чуял – это мне неизвестно.

Юлька почувствовала, что у нее начинают слипаться глаза. Часы на телефоне показывали уже начало двенадцатого. Ну надо же, совсем она тут теряет чувство времени!

– Надо спать идти, Николай Дмитриевич, – виновато сказала она. – Поздно уже.

– Так и пошли. – Он послушно натянул брюки. – Ты учти, красавица, я завтра с утра в командировку уеду. Кран гоним на стройку в соседнюю область. Вернусь поздно, так что шашлыков завтра не будет.

– Да вы что, Николай Дмитриевич! – Юлька даже руками всплеснула. – Я, конечно, и так нахалка, что пользуюсь вашим добрым расположением, но ведь не настолько!

Смеясь, они добрались до дороги и разошлись, пожелав друг другу спокойной ночи, каждый в свой двор. Из-за забора Василия Васильевича и Светланы Капитоновны раздавался гул голосов, видимо, у них были гости. Впрочем, никакого значения этот факт не имел. Дома Юлька переделась в любимую пижаму, любовно подумала, что протопленный с утра дом вечером гораздо уютнее стылого, выбежала ненадолго во двор, чтобы повесить сушиться купальник.

Сытая и разморенная событиями дня Жужа плюхнулась на приготовленную для нее подстилку из старого одеяла, блаженно закрыла глаза и тут же уснула, задышав ровно и спокойно. В Юлькином доме и Юлькиной жизни она освоилась как-то быстро, словно всегда была именно ее собакой. Впрочем, Юлька ничего не имела против.

Она погасила свет, улыбнулась заглядывающей в окошко луне, стоящей где-то над рекой. Прислушалась к звукам упавшей на деревню ночи, втянула носом особый воздух, пахнувший рекой, сеном, пылью, луговыми цветами, пирогами и совсем немного псиной, закрыла глаза, представила, что вот так пройдут ее ближайшие два, а то и три месяца, счастливо улыбнулась и тут же уснула, упав в глубокий и ровный сон.

* * *

Проснулась она внезапно. Последнее время из-за предстоящего развода Юлька спала плохо, просыпаясь по несколько раз за ночь от каких-то внутренних мыслей, тревожных и смятенных, но в этот раз причина пробуждения крылась где-то вовне.

То ли с улицы через приоткрытое окно доносился какой-то шум, то ли... Звук, разбудивший ее, повторился, и шел он вовсе не с улицы, а с чердака. Там кто-то ходил. Шаги были тихими, еле слышными, словно тот, кто был наверху, всеми силами старался не шуметь.

Юлька вспомнила, как пару часов назад отчаянно лаяла Жужа, причем, сейчас мирно спящая в ногах на кровати. Вот ведь чертовка, когда и залезла! Тогда собачка словно реагировала на присутствие во дворе кого-то постороннего, и вот теперь – эти шаги. Юльке стало страшно. Одинокaя женщина в отдельно стоящем доме. С одной стороны – заброшенный участок, на котором никто не живет. С другой – неприятные соседи. Хоть закричись, вряд ли кто-

нибудь прибежит на помощь. Ну почему, почему она не догадалась записать телефон Николая Дмитриевича!

Шорох на потолке повторился, и снова стало тихо. Сердце у Юльки колотилось часто-часто, руки стали липкими от охватившего ее ужаса. Что нужно этому человеку наверху? Кто он? Вор? Но у нее совершенно нечего красть, кроме драгоценного ноутбука. Насильник? Просто бездомный, которому негде переночевать?

Юлька соскочила с кровати, не включая свет, надела поверх пижамы висевшую на стуле олимпийку, зачем-то натянула капюшон. Сунула под мышку Жужу, а под вторую – свой макбук, вставила ноги в балетки, вдохнула полной грудью, как перед прыжком в холодную воду, выскочила в сени и опрометью бросилась к входной двери.

Та, естественно, была заперта, перед сном Юлька собственноручно задвигала засов, и это обстоятельство немного успокоило ее. Хотя, может быть, когда она вернулась от соседа, злоумышленник уже находился в доме? Ночная трава была влажной от росы. Юлька пулей промчалась по дорожке, рванула калитку, выскочила на пустынную дорогу и бросилась к дому наискосок, где жил Николай Дмитриевич, затарабанила в дверь. Жужа, словно чувствуя бушующую в хозяйке панику, тихо твякнула, впрочем, не очень уверенно.

В доме было тихо, потом зажегся свет в окнах, по доскам пола прошлепали босые ноги. Дверь распахнулась, и на крыльцо вышел заспанный Николай Дмитриевич, слава богу, успевший натянуть спортивные штаны. Второй «обнаженки» за день трепетная Юлькина душа могла и не выдержать.

– Ты что тут? – удивленно спросил сосед и тут же нахмурился. – Случилось что?

– У меня на чердаке кто-то есть! – выпалила Юлька трясущимися губами. – Я проснулась оттого, что наверху кто-то ходит. Я побоялась сама идти смотреть, кто.

– И правильно побоялась. – Николай Дмитриевич исчез в дверном проеме, но через пару мгновений появился снова, обутый в пляжные тапки и натянувший футболку. В руках он держал ружье. – Сейчас вместе посмотрим.

По такой же тихой и сонной улице они вернулись в Юлькин дом, поднялись по лестнице, ведущей на чердак. Тихо и сумрачно было там, лишь светила в тусклое оконце стоящая над рекой луна. Юлька мимоходом подумала, что окно надо бы помыть. Николай Дмитриевич щелкнул выключателем на стене, неровный свет, такой же тусклой, как оконное стекло, лампы залил плотно заставленное барахлом помещение. Но никого, кроме них двоих, в нем не было.

Юлька обескураженно посмотрела на соседа.

– Мне же могло почудиться, – пробормотала она. – Может, тот, кто тут шуровал, понял, что я отправилась за подмогой, и убежал?

– Может быть и так. – Николай Дмитриевич выглядел так спокойно и расслабленно, словно его и не подняли с постели (Юлька покосилась на командирские часы на руке соседа, сообразив, что телефон свой впопыхах забыла внизу) в два часа ночи. – А может и по-другому. Так-то у нас деревня мирная и спокойная. Тут отродясь никаких злоумышленников не водилось. Я, конечно, не хочу тебя пугать еще больше, но мне кажется, что тебя разбудили мыши.

– Мыши? – озадаченно переспросила Юлька.

– Ну да, в ночной тишине звуки стократ усиливаются, да ты еще и спросонья была. Мыши тут шуровали, в завалах этих, сундуках да коробках. А ты эти шорохи за шаги приняла.

– А почему я должна испугаться еще больше?

– Потому что женщины мышей боятся.

– Ну, наверное, я не женщина, – мрачно сказала Юлька. – Мыши мне по барабану, если честно. У меня-то сердце в пятки ушло, поскольку я решила, что ко мне кто-то влез. А мыши пусть живут, мне не жалко. Бояться людей надо.

– Бояться никого не надо, – рассудительно заметил Николай Дмитриевич, – равно как и жить с мышами в доме. Они у тебя все запасы пожрут и мебель попортят, так что в город поеду – привезу тебе мышеловку. А сейчас давай я весь дом обойду, чтобы тебе спокойнее было, а потом запрешь за мной и спать ляжешь. Лады?

– Лады, – согласилась Юлька. – Вы уж извините меня, что вас понапрасну взбубетенила.

– Не помру, – успокоил сосед. – Мужчины, к твоему сведению, для того и существуют, чтобы решать женские проблемы.

До недавнего прошлого Юлька считала точно так же, хотя в последнее время ей стало казаться, что мужчины эти проблемы, наоборот, создают. Впрочем, думать про это было категорически нельзя.

Проводив соседа, она снова улеглась в постель, наконец-то избавившись от ноутбука под мышкой и пристроив в ногах Жужу. Собака благодарно посмотрела на нее и тут же уснула. Юлька же лежала без сна, дрожа от пережитого нервного потрясения. Хорошее настроение, с которым она вечером ложилась спать, исчезло без следа. Неужели еще несколько часов назад она радовалась тому, что ей предстоит провести здесь два-три месяца? Сейчас эта мысль казалась пугающей и безысходной.

Снова накатила волна обиды на мужа. Ну как, как он мог допустить, чтобы их жизнь полетела под откос?! Ведь это по его вине она сейчас дрожит в кровати, совсем одна в чужой, враждебной атмосфере, далекой от привычного домашнего уюта! Почему она вынуждена обращаться за помощью к совсем постороннему, незнакомому, пусть даже и очень хорошему человеку? И сможет ли она когда-нибудь снова начать доверять мужчине, если ему меньше шестидесяти? На все эти вопросы у нее не было ни одного ответа.

За нерадостными мыслями она и сама не заметила, как уснула, а проснувшись утром, обнаружила, что от черных ночных мыслей не осталось и следа. Солнце заливало комнату, из окна доносилось чириканье птиц, Жужа скребла входную дверь, смотрела смущенно, словно намекая недогадливой хозяйке, что ей нужно выйти по важным собачьим делам. Юлька засмеялась, вскочила с постели, отперла входную дверь, выпустила собаку во двор и сама вышла на крыльцо, вдыхая аромат второго в ее жизни деревенского утра. Пахло хорошо.

За забором копошилась Ирина Сергеевна, Юльку она не видела, а та первой здороваться не стала. Усевшись на крыльце и рассеянно поглаживая подбежавшую Жужу, видимо, уже справившую свои естественные надобности, Юлька начала планировать в голове сегодняшний день. Она всегда жила по плану и в деревне отступать от своих привычек не собиралась. Итак, что первым делом – завтрак или утреннее купание? Прислушавшись к себе, она поняла, что организм настойчиво требует первую чашку кофе. Значит, завтрак. Интересно, принесет ли Анна Петровна обещанное молоко, и если да, то когда? Если скоро, то можно сварить овсяную кашу – и для себя, и для Жуки. Потом нужно немного поработать, чтобы запланированный на сегодня объем работы не висел тяжким грузом, а потом сходить на пляж, тот самый, деревенский, о котором рассказывал Алексей Кириллович, продавая дом. Само слово «пляж» вызывало у нее легкую иронию, поскольку откуда взяться в деревне настоящему пляжу, но сходить посмотреть было можно.

Нет, для начала нужно растопить печь, а когда она прогорит, поставить в нее деревенский суп. Рецепт ей вчера вечером подсказал всезнающий Николай Дмитриевич. Берешь чугунок, кладешь в него мясо, крошишь картошку, морковку и лук, солишь, перчишь, заливаешь водой и ставишь в печь. К обеду получится прекрасное томленое блюдо, в котором стоит ложка. Просто и сытно. Для вкуса можно добавить мелко порезанный зеленый лук, укроп и порезать дольку чеснока. Да, так. Сначала печь, потом завтрак, потом заготовка для супа, потом работа, потом пляж, потом обед. Хотя нет, суп можно не варить, есть же вчерашнее жаркое. Ну и хорошо, одним делом меньше. После обеда можно помыть окна и повесить новые шторы,

которые Юлька привезла с собой, но до которых так и не дошли руки. Пожалуй, полы стоит помыть тоже.

Погруженная в свои мысли, Юлька не сразу отреагировала на какой-то шорох за беседкой, но он повторился снова, и, вспомнив свои ночные страхи, она даже подскочила на месте.

– Кто там? – спросила она дрожащим голосом, но, вспомнив про копошащуюся за оградой соседку, повторила уже увереннее: – Эй, кто тут?

Кусты малины за беседкой зашевелились, и из них вылез худосочный мальчишка с перемазанным личиком.

– Здравсьте, – сказал он с независимым видом и шмыгнул носом.

– Ты кто? – спросила Юлька. – И откуда тут взялся?

– Я Гришка. – Парень снова засопел.

Полученная информация мало что объясняла.

– Ты что тут делаешь-то? – спросила Юлька, смутно припоминая, что вчера видела мальчишку в компании друзей на велосипедах. Значит, он здешний, деревенский, а не упал ей на голову непонятно откуда, наподобие Жужи. – Почто по чужим дворам крутишься?

– Я не кручусь. Я и раньше сюда приходил. По делу, – сообщил Гришка. – А чего, нельзя, что ли? И вообще, тут вроде раньше другой человек жил, дядь Леша. Он куда девался, помер, что ли?

– Ну почему сразу помер? Просто продал дом и переехал. А я купила, – ответила Юлька миролюбиво. – Гриша, давай с тобой договоримся. Ты, конечно, можешь ко мне приходить в гости, но не делай этого тайно и не прячься в кустах. Просто приходи, стучи в дверь, говори: тетя Юля, я пришел. Ладно?

– Ладно. Только зачем мне к вам приходить-то?

– Ну сейчас же ты зачем-то пришел, – усмехнулась Юлька. Гришка сердито засопел. – Ладно, проехали, чаю хочешь?

Чаю он хотел, так же как и белую булку, щедро намазанную маслом, и овсяную кашу, которую Юлька все-таки сварила, потому что пришла Анна Петровна, принесла трехлитровую банку молока, тарелку рассыпчатого творога и стакан жирной сметаны. Творог со сметаной Юлька убрала в холодильник, на ужин, но кашу сварила и еще налила Гришке стакан молока, которое он выпил до доньшка, а потом еще запил чаем с конфетами.

Глядя, как он ест, как дергается его худая, не очень чистая мальчишеская шея, Юлька отчего-то жалостливо пригорюнилась.

– У тебя родители-то есть? – спросила она.

– Как не быть? – степенно ответил он, отдуваясь. – Мамка на почте работает, батя плотничает. Помогает этим, новым, которые дома строят, – он мотнул головой в сторону коттеджного поселка. Добавил с гордостью: – Он у меня на все руки мастер. Когда не пьет, конечно. Ладно, спасибо за угощение, пойду я.

– Приходи, в общем, – крикнула вслед мальчишке Юлька, встала, чтобы проводить его до калитки, зачем-то вышла на улицу.

Вдалеке, у колодца, что-то делал Виктор, вчерашний молодой человек, приехавший в Сазоново готовиться к экзаменам и так сильно запавший на красавицу Веронику. Повернул голову в их сторону, скользнул отчего-то недовольным взглядом по Гришке, потом перевел глаза на Юльку, улыбнулся и помахал рукой. Она помахала в ответ и вернулась на участок.

Часы показывали начало десятого, а запланированные на день дела и не думали трогаться с мертвой точки. С тоской поглядев на стоящий без дела ноутбук, Юлька затопила печь, подумав, сделала то же самое в бане, чтобы вечером попариться, накачала из пруда воды в большой железный бак, решив, что обязательно постирает снятые шторы. Вымыла посуду, протерла пол, лихо разбила угли и закрыла заслонку, поставила в печь горшок, чтобы и в доме была горячая вода, и удовлетворенно выдохнула.

Теперь на часах было уже одиннадцать, а это означало, что нужно срочно приниматься за работу, чтобы наверстать потерянное время. С удобством устроившись в беседке, Юлька включила ноутбук, пробежалась по электронной почте, с горечью отметила, что муж даже не пробует с ней связаться, резко выдохнула, вошла в нужную программу и приготовилась с головой нырнуть в мир компьютерных персонажей.

– Здравствуйте! – услышала она звонкий голос от незапертой калитки.

На тропинке у самого входа на участок, не проходя далеко, чтобы не быть незваной гостьей, топталась Вероника, а рядом с ней, естественно, красавчик Виктор.

Похоже, работу требовалось отложить, так и не начав. Да что же это такое! Юлька никогда не предполагала, что так сложно быть фрилансером и работать вне офиса. При всей ее обязательности придерживаться графика дня совершенно не выходило.

– Здравствуйте! – прокричала она в ответ, отложила свой ноут и выбежала навстречу гостям.

– Я пришла узнать про собаку, – сообщила Вероника, стройную фигуру которой сегодня облегали белые льняные брючки и элегантный топик, на этот раз фирмы «Труссарди». – Удалось вам вчера найти ее хозяев?

Как по заявке из беседки прибежала Жужа, завертелась вокруг девушки, виляя хвостиком. Вероника радостно взвизгнула, присела на корточки, начала чесать собаку за ухом. Юлька невольно испытала укол ревности.

– Мне пришлось оставить ее себе, – сказала она, немного суше, чем это было прилично. – Конечно, если хозяин найдется, я ее верну, но пока никто из соседей не знает, кому она может принадлежать. Кстати, я назвала ее Жужей.

– Прекрасное имя! – восхитилась Вероника, причем так искренне, что Юлька испытала новый укол, теперь уже совести. – Юлия, а знаете что, давайте вы придете к нам с мамой в гости. Мы тут живем очень уединенно, потому что никого не знаем. Но это немножко скучно. Приходите вечером, а?

Голос ее звучал просительно, и Веронике стало смешно. Итальянская красавица, похоже, ужасно скучала в деревенской глуши. Но вот нужны ли новые знакомства ее маме?

– Мама будет не против, – торопливо добавила Вероника, как будто прочитав ее мысли. – Разумеется, я ее предупрежу. Мы приготовим на ужин что-нибудь итальянское. Например, лазанью. Вы любите лазанью?

– А можно мне тоже прийти? – подал голос Виктор, до этого молчащий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.